

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана в 2002 году

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ
Обыкновенное чудо

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Ш33

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художников
Артура Хьюза, Генри Мейнелла Рима и Яна Ромбоутса

Шварц, Евгений Львович.

Ш33 Обыкновенное чудо : пьесы, сказки / Евгений Шварц. – Москва : Эксмо, 2023. – 672 с. – (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-173127-4

Е. Л. Шварц (1896–1958) – знаменитый и всеми любимый «чудесный писатель, нежный к человеку и злой ко всему, что мешает ему жить», самый «недетский» сказочник, покоривший взрослых читателей, автор более двадцати пьес, а также сценариев к кинофильмам и мультфильму, тонкий, мудрый мыслитель, сумевший в своих пьесах передать трагичность времени, в котором жил, раскрыть диапазон темных и светлых сторон человека и убедительно показать неизбежность победы добра над злом, а также подлинную нужность доброты, искренности, самопожертвования, человечности.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

© Шварц Е.Л., наследники, 2023
© Сумм Л.Б. Предисловие, комментарии, 2023
© Давыдова Е.М. Комментарии, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-173127-4

Содержание

СЛЕД НА СНЕГУ *Л. Сумм.*

7

УНДЕРВУД

29

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

82

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

178

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

222

ТЕНЬ

303

ДРАКОН

398

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

490

Комментарии *Е. Давыдовой, Л. Сумм*

582

СЛЕД НА СНЕГУ

1896 год рождения едва ли не более «ненадежный», чем мандельштамовский «в девяносто одном». К Великой войне Шварцу исполнилось 18 лет. Несколькими годами старше — Маяковский, Мандельштам, Есенин — в пору катаклизма поколением входили в литературу. Шварц был — никто, мальчик с южной окраины России, кое-как закончивший реальное училище, кое-как поступивший на юридический факультет московского (не «настоящего», а нового и малопрестижного) университета. Выбор за него сделали родители, молодой человек к юриспруденции испытывал отвращение, запускал учебу, то и дело срываясь в Петербург-Петроград к возлюбленной Милочке. Круг его общения что в Москве, что в Петербурге был до крайности узок — несколько знакомых из Майкопа, тоже приехавших учиться, какие-то дальние родственники. Не так завоевываются столицы.

Какое там покорение столиц! Не хватало сил попросту жить. Больше всего он хотел нормальной жизни — быть любимым своей девушкой, сохранить первого друга, уважать себя за честный труд. Продумывал план дня, от зарядки до обязательного чтения. И снова — в затяжную дремоту, бессмысленные многочасовые прогулки, смутные мечты, как он что-то такое делает и «все узнают». Конечно, мечтал о славе, но в от-

личие от многих в том призыве слава не казалась Евгению Шварцу мистической самоцелью. Тут другое: в собственных глазах он был исчезающе мал и нуждался в подтверждении со стороны. В воспоминаниях о детстве признавался: с шести лет, с рождением брата, он как бы отошел на второй план, ощутил зыбкость своего существования и выдумал: стать писателем. «Романистом», ответил он на стандартный вопрос о будущей профессии, «повалевшись немного от смущения» у ног матери. Много лет пройдет, прежде чем Шварц найдет свой жанр, но суть определена в тот миг, когда, припадая к ногам матери, он выговорил заветное: писать, то есть видеть и знать других, обрести славу, то есть закрепить самому, ибо узнают и любят.

Всматриваясь в себя уже в зрелые годы — «Евгений Шварц во всех своих измерениях знаком мне с самых ранних лет, и я знаю его так, как можно знать себя самого», — главным своим свойством он называет «слабость», «зависимость от человека или от обстоятельств». Он «успел вспомнить обиды всей своей жизни», пока ждал очереди в билетную кассу. «На поверхности, — продолжает Шварц, — желание ладить со всеми. Под этим... страх боли, жажда спокойствия... Воля к неделанию». «Человеком он чувствует себя, только работая. Он отлично знает, что, пережив ничтожное, в сущности, напряжение первых двадцати-тридцати минут, он найдет уверенность, а с нею счастье. И, несмотря на это, он днями, а то и месяцами не делает ничего, испытывая боль похуже зубной».

Причины малой работоспособности одних, иступленности других («страстной редакторской оргии, которую с бешеным упрямством разжигал Маршак») видятся историческими: «Все мы так или иначе пере-

сажены на новую почву. Пересадка время от времени повторяется... Категорические приказы измениться. И прежде люди, пережив свою почву, либо работали некоторое время от корней, либо падали. А мы все время болеем». И как тонок был слой этой почвы к восемнадцати-двадцати годам, когда задули уносившие плодородный слой ветры!

Однако общие причины утешиться не помогают, и лишь в самой своей слабости черпает Евгений Шварц силу. «Без людей он жить не может — это уж во всяком случае. Всегда преувеличивая размеры собеседника и преуменьшая свои, он смотрит на человека как бы сквозь увеличительное стекло, внимательно. И в этом взгляде, по каким бы причинам он ни возник, нашел Шварц точку опоры. Он помог ему смотреть на людей как на явление, как на созданий божьих».

«Преувеличивая» других людей, Шварц не убавляет себя, а, наоборот, укрепляется, ведь чего бы стоило признание его бытия со стороны каких-то ничтожеств. Другое дело — Люди.

«Бывают дни и недели, когда он не шутя сомневается в собственном существовании. В такие времена он особенно говорлив и взгляд его, то и дело устремляемый на собеседников, особенно пытлив. В чужом внимании видит он, что как будто еще подает признаки жизни. В таком состоянии, шагая по комаровскому лесу зимой, он увидел однажды следы собственных ног, сохранившиеся со вчерашнего дня, — и умилился. Поверил в свое существование».

«Другие люди» и собственный след на талом снегу — вот что такое «он сам». Из двух этих крайностей, драматургии и дневников, состоит наследие Евгения Шварца, и настолько важны оба этих пути к себе, что

едва ли в разговоре о пьесах можно обойти стороной его мемуары (правда, это словечко на «ме» он терпеть не мог).

Пьесы и киносценарии — жанр, требующий для своего воплощения участия множества людей, от режиссера, который должен принять чужой замысел как свой, «жениться» на пьесе, до актеров с их разносторонними дарованиями и конфликтующими честолюбиями, до технических работников, зрителей и критиков. Драматург-сказочник, перелагатель чужих сюжетов, сценарист отчужден от собственного творчества больше, чем обычно бывает отчужден от своих текстов писатель. А уж если из его текста рождается фильм, мы склонны и вовсе забывать о том, что «Дракон» (или «Убить дракона») и «Обыкновенное чудо» — не только режиссура Марка Захарова, а мюзикл «Обыкновенное чудо» — что-то еще сверх песен Гладкова и Кима. С другой стороны, «Дон Кихот», последняя работа Шварца — не только Шварц, но как-никак и Сервантес. Все творчество драматурга мыслимо лишь как сотрудничество, что для Шварца с его зависимостью от «людей» в равной мере органично и мучительно.

И на всем протяжении этого «внешнего», обращенного к публике творчества продолжалась работа в стол, «не для печати, не для близких, не для потомства». Довоенные дневники Шварц уничтожил, уезжая в 1942 году в эвакуацию из блокадного Ленинграда. На Большой земле тут же вновь взялся за них, в том числе и восстанавливая утраченное, и за 16 лет исписал 37 толстенных «счетных» книг — около 160 авторских листов, согласно подсчетам архивистов. Почерк у Шварца с годами становился все ужаснее, еще Маршак сравнивал его буквы сдохлыми комарами, а под

конец жизни тремор рук превратил записи в «нечто вроде ребуса» — это успокаивало автора, подумывавшего, не следует ли как-то зашифроваться для пущей безопасности.

О хотя бы частичной публикации Шварц задумывался в последние годы жизни — он дожил до 1958 года и «оттепели» успел порадоваться, но «начинать заново», как сам он говорит, было поздно. Какие-то фрагменты дневников, наиболее дорогие автору, относящиеся к детству и к началу литературной деятельности, Шварц пытался конвертировать в иные жанры — писем, интервью — и таким образом все-таки обрести собеседника. Часть записей усилиями близких проникла на Запад и была опубликована в 1982 году Львом Лосевым. Основной массив оставался в архиве до «перестройки», когда почти одновременно в 1990 и в 1991 годах появился довольно пестрый жанрово «мемуарный» том «Живу беспокойно» (отчасти повторяющий парижское издание) и выступила из поденных записей «Телефонная книга» (в обоих случаях составитель К.Н. Кириленко). Закончив к 1955 году записи-воспоминания, Шварц нашел еще один способ поговорить о тех, с кем был связан, ибо только так мог он говорить о себе: «Взять нашу длинную черную книжку с алфавитом и, за фамилией фамилию, так о них и рассказывать. Так и сделаю».

«Писать для себя» и даже «о себе» у Шварца все равно означало «рассказывать о других», и, как в его пьесах, здесь тоже главными качествами были точность и равенство всех живущих. Он был, разумеется, Хозяином в своих записях — Хозяином из «Обыкновенного чуда», вошедшим в систему персонажей, не умеющим говорить иначе, как через людей, подвласт-

ным тем же законам горя, удивления, надежды, что и они.

Уточнял у родственников или знакомых имена-отчества тех давних персонажей, исправлял ошибки, ругал неповоротливый язык и свою (под шестьдесят-то лет!) неумелость («словно... взялся поднимать и ворочать тяжести») и, как всегда, превыше всего ставил доблесть понятности. Пусть «не для близких и не для потомства», все равно это был диалог: «рассказываю кому-то и стараюсь, чтобы меня поняли эти неведомые читатели». Дневники Шварца, стройный и строгий диалогический жанр, требующий высшей точности сиюминутных деталей и обращенный к вечности, смыкаются с драмой Шварца.

Именно так воспринимаются дневники в наиболее полном на сей день варианте, в четырехтомнике, вышедшем в 1999 году в издательстве «Корона-принт». Перевернув обычную издательскую традицию — сначала художественные произведения, дневники же в приложении, — составители этого четырехтомника (внучка писателя М.О. Крыжановская при участии И.Л. Шершневой, К.Н. Кириленко и расшифровщика почерка-ребуса Е.М. Биневича) начинают каждый том с дневников, а пьесы соответствующих лет превращаются как бы в продолжение биографии.

«Я в Екатеринодаре. Стою у кирпичной стены. Светит солнце. Возле меня не мама, а нянька Христина. «Сколько тебе лет?» — спрашивают меня. И я отвечаю: «Два года». Мы много переезжали, вероятно, поэтому я помню себя столь маленьким».

Наиболее цельным вышел первый том, в котором нет еще никаких произведений и лишь несколько писем дополняют воспоминания Шварца от двух до два-

дцати лет, до прощания с первым другом. Юра Соколов был призван в 1916-м.

«И больше мы не встретились. Он пропал без вести в конце войны. Я не почувствовал тогда у окна, что вижу его в последний раз. Да и до сих пор не верю в это по-настоящему. Во сне я говорю ему при встрече: «Сколько раз мне снилось, что ты жив, — и вот наконец мы в самом деле встретились!» На этом я кончу рассказывать о себе».

Поставив в последних числах декабря 1952 года точку в «рассказе о себе», после январских праздников 1953 года Шварц принимается прописывать совсем другую тему (к ней присматривался и во второй части 1952-го, делал наметки). Вхождение в литературу: 1922 год, работа секретарем у Чуковского, дружба с «Серрапионовыми братьями», сотрудничество в газете «Всесоюзная кочегарка» в Артемовске, попытки написать пьесу и «первая большая рукопись в стихах» — «Рассказ старой балалайки», — с которой явился в 1924 году к Маршаку. Но такой рассказ о себе в литературе не столько укреплял Шварца в своем бытии, сколько тревожил. 13—16 мая появляются записи о необходимости других людей и о своем следе на снегу, а вскоре дневник сворачивает в 1918 год, где нет еще отдельного Жени Шварца со своей судьбой, а есть «краснодарская компания, переехавшая в Ростов, учиться», и «ростовские мальчики и девочки, знакомые еще с гимназических времен, разных характеров, разных дарований, полные одним и тем же духом — духом своего времени». И все это был — театр.

Насколько случайно или не случайно попадание Шварца именно в театральную среду? «Дух времени» был в первую очередь театральным духом как до революции, так и непосредственно после. Провинциаль-

ная Россия страстно привержена театру, и для Шварца первые посещения спектаклей — мощнейшие из воспоминаний детства. Предрасположен к театру он был и наследственностью, причем с обеих сторон, «от Шварцев и от Шелковых». Один из братьев отца был актером, сын другого брата, ровесник и друг Евгения, Антон Шварц, выступал с художественным чтением; в любительской труппе участвовал и отец Евгения Шварца. Мать обладала куда большим талантом, и ее изредка удавалось вытащить на сцену, но чаще брало верх «шелковское недоверие к себе», пожизненно мучавшее и сына.

Шварц актерствовал не слишком долго — с 1918 по 1921 год — и держался главным образом на кипучей веселости, «предчувствии счастья», «бессмысленной радости бытия» — так, строчками из его стихов, обозначен второй и третий том в издании «Корона-принт». Лучше всего получалась импровизация, конференс, который подчас выходил искрометным, подчас — по той же безответственности — Шварц проваливался. «Не приходило в голову, что надо готовиться». Не было ничего, что мог бы предъявить, объективно все скорее плохо, и эта полоса неудач — надолго, почти до конца 20-х годов. Брак с актрисой Халаджиевой (Холодовой) — затяжной и неудачный. Заработок — ничтожный, добирал ночным грузчиком. Творчески — в лучшем случае «около», подле актеров, писателей. И задним числом оставалось только удивляться несовпадению объективной и субъективной биографии. Предъявить было нечего — но он все так же твердо знал, что «будет писателем», и ждал обещанного дара.

В этих надеждах его укрепляли опять же «другие люди», чувство причастности. Участие в «страстной редакторской оргии» Маршака, в детских журналах

«Чиж» и «Еж». Почти не веря себе, вспоминает Шварц, какие они все были тогда веселые, до идиотизма и дуракаваляния: выскакивали на четвереньках — «Я верблюд» — навстречу ошарашенным авторам. В 1930 году вышла книга Ольги Форш «Сумасшедший корабль», где под прозрачными псевдонимами изображены жители Дома писателей и связанные с ними люди. Есть там и Геня Чорн, конференсье-затейник, человек неистощимого веселья. Бедный Йорик — вот он и попал в книгу, да только не автором. В пору секретарства у Чуковского Шварц спрашивал мэтра с тоской: «Останусь ли я в литературе хотя бы в примечаниях?» Недобрый дедушка отвечал что-то вроде: «Именно в примечаниях».

В любом жанре автору непросто войти в систему персонажей, в драматургии же это трудно вдвойне, так что, наверное, не зря судьба распорядилась так, что Шварц побывал в шкуре «Гени Чорна». Псевдоним несложный: по-немецки «Шварц» и означает «черный». Вроде Ильф и Петров, нарекая общежитие именем монаха Бертольда Шварца, подкалывали при этом и Шварца Евгения, но это, возможно, позднейший домысел. Существует также апокриф, будто отец советовал Евгению сменить имя, для русского писателя не слишком подходящее, и взять девичью фамилию бабушки по матери, Лариной, однако Шварц только посмеялся: мол, «Евгений Ларин» возможен лишь как персонаж, не как автор. Скорее всего, это вымысел: и отец вряд ли посоветовал бы сыну отречься от фамилии — кто мог в 20-е годы предугадать, что еврейская фамилия окажется «неудобной»? — а уж если главным препятствием стало неудачное сочетание имени-фамилии, так искал бы иной вариант, хотя бы «Шелковым» назвался по деду.

В вымысле есть смысл: Евгений Шварц держится за свою «неподходящую» для творца русской литературы фамилию и помнит свое тайное имя — весьма подходящее для персонажа русской литературы.

Первые удачи пришли на рубеже 20 — 30-х годов, и особой устойчивости в них не наблюдалось. «Ундервуд» прижился, «Клад» был, пожалуй, удачен, а «Приключения Гогенштауфена» — изобретательно, пенисто веселая и наиболее «европейская» пьеса (чего стоит хотя бы немецко-княжеская фамилия главного героя) — провалились. От этих трех попыток драматургически осмыслить действительность уже не далеко до сказок-притч, «андерсеновских» и «политических» пьес зрелого Шварца. «Голый король» написан практически в один год с «Кладом». Зрелость наступала на пятки дебюту — возможно, потому, что жизнь осмыслялась постоянно, чуть ли не с того дня, когда надумал быть «романистом», и появлению «Ундервуда» предшествует дневниковая запись: «Концы и начала замечательных вещей прячутся в серединах и продолжениях других замечательных вещей».

Поденные записи и воспоминания, обращения к началу своего пути найдутся у любого писателя, но у Шварца поражает его упорная приверженность бесперспективному с точки зрения «славы» и хлеба насущного жанру, само количество исписанных им (вопреки «роковой лени») страниц. Он принимался за дневник многократно, первый раз — в десять примерно лет. К ведению дневников в ту пору поощряли не только девочек, но и мальчиков, продавались специальные календари для записей: на первой странице, вспоминает Шварц, анкета (любимый автор, любимая книга и так далее, все чрезвычайно интересное и важное для самопознания), а затем разграфленные «дни».

Удивительно не то, что он рано взялся за дневник, удивительно, что первые его записи были не о себе. Заинтересовавшись суждениями знакомого слуги, десятилетний Женя постарался как можно точнее зафиксировать их, а спустя полвека попрекнул себя тогдашнего: политико-поэтические нюансы отметил («час эскулапов пробил» вместо «час искупления»), а о религиозной жизни этого занятого типа, подавшегося к баптистам, умолчал.

Несколько лет спустя, уже подростком — ленивым, безвольным, до истеричности издерганным в отношениях, как неоднократно повторяет он сам, — Шварц начал заполнять такой же календарь душевными излияниями, мол, как он скучает по маме и хоть бы мама поскорее приехала. Мама приехала — и тут же вспыхнула характерная для их «неустойчивой семьи» ссора, и родилось другое, не менее ценное наблюдение: пока пишешь о самом себе, сам себя к чему-то и подвигаешь, а расстояние между «собой» и действительностью может при этом становиться все шире. И это расстояние интриговало, ибо какие-то впечатления, играючи, удваивались — чувство и воспоминание о чувстве, пейзаж и предчувствие пейзажа, — и этого, пожалуй, было бы достаточно для человека, претендовавшего все-таки на некое осознание жизни, главное же, на то, чтобы стать писателем. В книгу ведь заносится не сама жизнь, а этот ее двойник. Так ли? На свое мучительное счастье в том же рассеянном, не всегда душевно опрятном детстве Евгений Шварц несколько раз пережил более высокое изумление, когда «знак» и «значение» совпали.

«Я подумал: «Что напоминает мне эта погода? Что-то унылое, с невыученными уроками, с безграничны-

ми буднями? Что?» И вдруг понял: не напоминает, а есть, существует сейчас. И было, и есть».

В тот момент «не напоминает, а есть» оказалось не из приятных, какое-нибудь удачно подобранное слово, «литературность», позволили бы уйти от серых будней, а совпадение замыкало их на самих себя — змея, кусающая себя за хвост. Но Шварц уловил совпадение, а солгать он себе не позволит, ни ради красиво-сти, ни ради самоуспокоения.

Одна из самых волшебных загадок Шварца — совпадение «литературы» и «правды». Этого же никакими словами, кроме его собственных, не расскажешь. Мы знаем, что «Голый король» и «Снежная Королева» — «по мотивам Андерсена», мы принимаем Сказочника в «Снежной Королеве» и разные уровни «реальности» персонажей в «Обыкновенном чуде», мы видим, что еще до начала действия «Тень» с помощью эпиграфов сдвинута в традиционную, цитатную, саму себя, а никак не жизнь, порождающую «литературу» (обилию цитат, намеков, переигрываний, что здесь, что в «Драконе», любой постмодернист мог бы позавидовать). Мы знаем, что это текст, и даже метатекст, мы в каждой пьесе Шварца натываемся еще и на разговор о театре, о своем и чужом сюжете, о праве автора или отсутствии у него права распорядиться судьбой персонажей («стыдно убивать героев, чтобы растрогать холодных и расшевелить малодушных») и каким-то образом исхитряемся верить в реальность этих героев, в их автономность — больше, чем в автономность автора. Он хотел стать писателем, чтобы утвердиться в своем существовании, он только в работе и был счастлив и верил в себя, но еще большую полноту жизни, чем самому себе, даровал своим персонажам. У него были эгоистические причины писать, но дар его был волшебно неэгоистичен.

Как верно, что каждый человек может написать по крайней мере одну книгу — книгу о своем детстве, — так верно и то, что воспоминания детства не всегда имеют непосредственное отношение к взрослому творчеству, и хотя какие-то связи, конечно же, прослеживаются, иной раз продуктивнее вести разговор с иных, отнюдь не с биографических позиций. Но для Шварца биографический метод, в самом наивном виде, от младенчества — обязателен. Отчасти потому, что в дневниках мы натываемся на подхваченные фразы, которые станут репликами. «У меня есть такое свойство», — раздражающе твердит знакомый, и в пьесе «Приключения Гогенштауфена» появится малосимпатичный ловелас, влюбленный главным образом в себя, и «с таким свойством». Подобных примеров множество; полезно лишний раз убедиться в достоверности драматических притч Шварца, в том, что они, как и полагается притчам, растут из бытового опыта. И вот это уже та основная причина, по которой дневники имеют непосредственное отношение к пьесам: сказка вовсе не уводит от жизни, она глубоко входит в жизнь и наполняет ее смыслом. Чем философичнее и обобщеннее литературное произведение — сказка, притча, — тем крепче его связь с жизнью. Это все то же «увеличительное стекло», через которое автор смотрит на мир и людей, чтобы в итоге утвердиться в осмысленности собственного существования. И чем литературнее произведение, тем опять же оно ближе к жизни. Цитаты, указания на традицию и вторичность на самом деле не разлучают реальность и слово, а соединяют. Так оно бывает всегда, во всяком случае, всегда, когда замысел воплощается. Мы же напомним о том, как оно бывает у Шварца.

В начале «Тени» Шварц поставил два эпитафия из Андерсена. Само присутствие эпитафиев ключевым

образом меняет жанр: эпитафия не относится к сценическому представлению, он предлагает нам читать драму, рассматривать ее в первую очередь как текст. Присутствие же не одного эпитафия, а двух тем более сосредотачивает внимание на взаимодействии — самих этих эпитафий, эпитафий и основного текста, текста и традиции, а может быть, и «литературы» и «жизни». Взаимодействия эти настолько сложны и многозначны, что все аспекты не охватишь ни предисловием, ни диалогом предисловия с комментарием, где речь идет об интертекстуальной игре и устанавливаемой с помощью эпитафия литературной традиции. Главный диалог, как водится, предстает самому читателю — каждому читателю — с текстом. Все, что будет сказано далее по поводу эпитафий, прошу считать лишь репликой в неисчерпаемом диалоге.

В первом эпитафии речь идет о персонаже сказки Андерсена, «ученом», которого Андерсен предлагал читателю воспринимать как реального человека. С этим человеком приключилась неприятность, напомнившая «известную историю о человеке без тени», и он огорчился не столько из-за трудности своего положения (а стоило бы, ведь кончилось-то все очень для него печально), сколько потому, что не мог никому рассказать о своем злоключении: «все сказали бы, что он пустился подражать другим». Парадоксальным образом, ссылаясь на предшественников, Андерсен не ослабляет, а усиливает реальность персонажа. Но Шварц делает следующий шаг или даже несколько шагов, ставя под этим «постмодернистским» эпитафием второй, из автобиографии Андерсена: «Чужой сюжет как бы вошел в мою плоть и кровь, я пересоздал его и только тогда выпустил в свет».

В сопоставлении эти два эпитафия можно понимать как разговор об Авторе, Хозяине: «персонаж» те-

ряется, не умея рассказать «чужой сюжет», но писатель осознает ценность традиции и, пропуская ее через себя, «пересоздает». Но можно понять это и как разговор о «плоти и крови». Чужой сюжет не только пересоздается, обрабатывается литературно — он проживается. Шварц, пишущий свою драму после Шамиссо, после Андерсена, пересоздавшего сюжет Шамиссо, после ученого, пережившего (вернее, не пережившего) сюжет Шамиссо и Андерсена, после Андерсена, пересоздавшего сюжет в своей плоти и крови, — Шварц доходит до пределов литературности, вторичности, и — до пределов реальности. Драма по природе своей — цитатный жанр. Римский комедиограф II века до н.э. Теренций со сцены заявлял: «В конце концов не скажешь ничего, что не было бы сказано заранее». Но, оказывается, и не проживешь того, что не было бы ранее написано, и не напишешь того, что не было прожито.

Андерсен назвал автобиографию «Сказка моей жизни». Сказка, подобно драме, часто тяготеет к притче, к поиску общих смыслов, повтору архетипических сюжетов. Сказка уводит к детству не только потому, что сказочник даже во взрослых своих вещах обращается к детям, но и потому, что занята онтологией, поиском первоисточников. Так и Шварц подробнее прописывает первые двадцать лет своей жизни в том числе и потому, что он — «сказочник», искренне и глубоко интересовавшийся детьми и детским восприятием. Сказочнику невозможно работать иначе: он создает произведения, столь насыщенные аллюзиями, цитатами, значимыми именами, как «Тень», и должен одновременно иметь в виду как подготовленных, ловящих каждый намек зрителей, так и зрителей (детей, да и не только детей), для которых это едва ли не первый в жизни литературный текст. К тому же перед нами не просто сказка, а «сказка в четырех действиях»,

например, как определил Шварц «Снежную Королеву», то есть — драма. И ловить смыслы приходится не в подробном — с комментариями, с вопросами к знающим — чтении, а на лету, в тот самый момент, когда произносится слово.

Так работали Эсхил, Софокл, Еврипид — перед философами и правителями Афин, перед выпившими хорошенько на празднике Великих Дионисий и проводившими чесноком крестьянами, перед рабами, женщинами и детьми. Так работал Шекспир — перед вельможами Елизаветы, столь высоко образованными, что их, а не сына перчаточника из Стратфорда, прочат в авторы «Гамлета», перед разинувшей рта на городское зрелище деревенщиной, перед разноязычными моряками. Сказочник и драматург идет по узкому канату между знающими, которые должны детски просить радостью узнавания, и незнающими, которых обязан играючи приобщить к общечеловеческой традиции. Он идет, балансируя на страшной высоте, и единственный ориентир — расплывающийся след на белом снегу. То ли его собственный след, который можно принять за чужой, за указание пути. То ли чужой след, который можно принять как свой.

Маленькой дочке Шварц читал Андерсена в таком же полном издании, в каком читал его сам. Читал, пропуская «религию», вроде бы не из оглядчивости, а чтобы не увязать в долгих разговорах. Но однажды с разгону прочитал «что-то христианское» и споткнулся. Дочка утешила: «Папа, папа, я знаю, Андерсен еще при Боге жил».

Шварц жил еще при Андерсене и при андерсеновском Боге. Религиозная жизнь Евгения Шварца претерпевала различные изменения — сын русской матери и принявшего православие еврея, в младенчестве он был настолько привержен вере, что «шелковская

бабушка» разглядела в нем будущего святого (было это до рождения брата и изгнания из рая); в реальном училище первые годы любимейшим учителем был преподаватель Закона Божьего (в том числе и потому, что это был гуманитарный, как теперь сказали бы, предмет), но к старшим классам Шварц и у этого умного и снисходительного священника съехал на двойки. О дальнейших своих отношениях с религией Шварц в дневниках умалчивает по той же, вероятно, причине, по какой пропускал соответствующие места при чтении Андерсена. В юности был достаточно от этого далек, в старости вернулся, перед смертью — это подтверждено — приобщался святых тайн.

Но то личные отношения с Богом, а «жил еще при Боге» — нечто большее. Это вся мировая культура, беззаботно полученная Женей Шварцем с первыми его книгами, с Томом Кенти, Робинзоном и датским сказочником. Дыхания мировой культуры его поколению еще хватило на двадцатые годы — начало тридцатых, но к тому вечеру, когда дочка произнесла эту дивную детскую фразу, в Германии успел прийти к власти Гитлер, в России утвердился, с убийством Кирова уже окончательно, Сталин. Перемалывались жизни, стремительно уходило последнее тепло (как внятно стало мандельштамовское «И спичка серная меня б согреть могла»), и неизбежно, окончательно надвигалась мировая война, а там, с победой, — разрыв с европейской памятью.

В 1933–1934 годах закончен, принят ленинградским Театром комедии и тут же снят цензурой «Голый король». Следующие десять лет Шварц продолжал перерабатывать эту пьесу, видимо, потому, что ощущал ее как часть своей политической трилогии. Накануне мировой войны завершена «Тень», весной 1940 года опубликована в «Литературном современнике» и по-

ставлена в Театре комедии. В теплушке на пути к Большой земле эвакуированные писатели, вспоминает Шварц, начали понемногу отходить, вынимали хвалебные рецензии, какие-то документы, качали права. И я, пишет он, вытащил журнал с «Тенью» и почти поверил, что жив, что буду жить.

«Тень» становится наиболее крепкой связью литературы и реальности, самого автора с жизнью, а поскольку завершающая часть трилогии, написанный в эвакуации «Дракон», опять-таки был запрещен, все смысловые и символические нагрузки ложатся на «Тень». Она одна должна была говорить за всю политическую трилогию, за европейскую культуру. И «Тень» это выдержала.

Экономика текста у драматурга заведомо насыщеннее, чем у «романиста». Начинали древние греки с тысячи строк — что это по современным меркам? Страниц тридцать? — И более поздние драмы не дотянут до ста стандартных страниц, а ведь «плотностью» не уступят роману. Эта плотность главным образом обеспечена многообразием связей и внутри текста, и вокруг него, во все стороны от него. Так уж устроен театр: он насквозь традиционен, и достаточно одного-двух знаков, чтобы всплыли двойные прототипы. Один прототип разворачивается в сторону Андерсена и того «чужого сюжета», на который ссылается Андерсен. Другой прототип — сам театр. Невозможно наречь свою пьесу «Тень», чтоб хоть краешком плаща не проскользнула Тень Отца, Гамлет-старший, которого Бард (великий поэт, но актер вроде бы не из первых) взялся играть самолично. А от Тени Отца театральная традиция уводит еще дальше, к «отцу трагедии», Эсхилу: там, в «Орестее», над гробницей зарезанного женой великого полководца выкликали тень отца Орест-мститель и Электра — вдохновительница мщения, там

в «драме, полной Ареса», в первой на свете «глобально политической» драме, тень Дария вставала из гробницы, чтобы объяснить неразумному сыну, почему монархическому Востоку невместно покорять демократические полисы Эллады. Перед новым столкновением цивилизаций из гробницы мировой культуры поднимается написанная Евгением Шварцем «Тень».

Политичность этих пьес, их социальность, обращенность к современной истории — оттуда же, от идущей из Эллады традиции. Драма лучше других литературных родов и жанров помнит свои истоки. Казалось бы, чего проще. Излить чувства в коротких ритмических строках не всякий догадается, неподатливым словом живописать сражения и сохранять в памяти потомства списки кораблей — и вовсе уникальный дар; а вот подражать речам различных людей, изображать сиюминутное напряженное действие так естественно, что и выдумывать этот жанр специально не требуется. Но любовная поэзия и эпос существуют едва ли не у всех народов, и мало кому удастся проследить их истоки. Греки, во всяком случае, толком не знали, откуда взялся Гомер и кто был до него, а тем более не выстраивалась у них родословная лирики. Зато происхождение драмы обсуждалось и оспаривалось, момент ее возникновения четко зафиксирован в VI веке до н.э. в Афинах. В других греческих городах имелись свои зрелища, но нигде, кроме Афин, не сложились литературные жанры трагедии и комедии, жанры чрезвычайно строгого канона, со сложной системой образов и символов, с непременно участием хора. Если именно это было нужно, звали афинских мастеров: Эсхила — в Сиракузы, Еврипида — в Македонию. В меньшей степени это относится к комедии, однако и о ней (особенно благодаря преемникам греков, римлянам)

складывается представление как о сугубо профессиональном жанре.

И чем цитатнее, тем почему-то живее. Андерсен не первый убеждал читателей в реальности своего попавшего в чужой сюжет героя. Медея Сенеки «уже читала» «Медею» Еврипида, и есть подозрение, что персонажи Еврипида были неплохо знакомы с Эсхилом. Персонажи римской комедии очень хорошо понимали, в какой жанр они попали и как этой ситуацией воспользоваться. Оба жанра, трагедия и комедия, всегда были предельно социальны, узы человеческие поверялись на сцене, пробовались на разрыв, и через страсти и страдания наступал катарсис — «очищение подобных», как загадочно сформулировал Аристотель. Мужеубийство, детоубийство, матереубийство лишь подтверждали простую истину: так нельзя. Подтверждали прочность семейных связей. Подтверждались связи и на более высоком уровне: примирение богов, сил хаоса и порядка, союзы городов, установление династии. Брак и престолонаследие — единая тема для греческой трагедии, как и для Шекспира.

Политическая трилогия Шварца скреплена единой темой добывания Принцессы (в «Драконе» — дочери архивариуса, хранителя памяти, и вместе — невесты тирана) и обустройства социального уклада. В первой части, в «Голом короле», социальная тема решается преимущественно средствами комедии и вопрос о престолонаследии впрямую не ставится. В драматической «Тени» Ученый специально проговаривает свой план: жениться на Принцессе и не стать королем, уехать из страны. Это вообще-то неправильный ход, о чем его сразу и предупреждают. Герой отделяет свою личную ситуацию от общей, эгоистически думает устроить брак, не устраивая мир вокруг него. «Товарищам» по системе персонажей эгоистическая («ин-

телигентская») позиция Ученого принесет много горя. «Какая я несчастная девушка, сударь», — симметрично повторяют обе любившие его — и Принцесса, и Аннунциата.

«Дракон», как и полагается завершающей части трилогии, поднимается до мифа. «Простые люди», которые и рады были бы жить как Ученый, своим тихим счастьем или тихо-мирно умереть, раз уж не дается милая жизнь, вынуждены брать на себя неблагодарную задачу преобразования мира. И это возможно (и, даст бог, не превратится в очередную революцию или тиранство, как намекает фильм Марка Захарова) лишь потому, что человек существует в обоих этих планах, в своей простенькой жизни и в мифе. Страдания людей записываются в некую потайную книгу, свидетельствует Ланцелот, это и гнетущая безысходная повседневность, и текст.

Пройдя через миф, традицию жанра, чужой сюжет — и через личный дневник, — Шварц вышел в последние годы своей жизни к самому заветному, к «Обыкновенному чуду», подводящему итоги сложных отношений «литературы» и «жизни» и вместе с тем затронувшему самую, может быть, сложную тему — не тайну влюбленности, а ту еще большую тайну, что наступает после заключения брака. Этой тайне полностью посвящена одна из последних пьес — «Повесть о молодых супругах».

Отказавшись от сказочных сюжетов, от традиции, от надежного наработанного ремесла, Евгений Шварц пытается осуществить едва ли возможное: живописать словом и представить на сцене повседневный быт, первый год семейной жизни. Обыкновенная советская семья. Воевавший муж, выросшая в детдоме девочка-жена. Много ли у них шансов сохранить свое счастье? Некому их научить, у Сергея нет ни родителей, ни

близких, из старших у Маруси — прекрасная и одинокая директор детдома, у Сергея — старый холостяк-начальник. И вместо античного хора — подаренные этим Никанором Никаноровичем молодой паре игрушки, передававшиеся из поколения в поколение в его непродолжившейся семье: кукла и медвежонок.

Тоненькая нить. Но других человеку не обещано. Он каждый раз, как в первый раз, проживает чужой сюжет, идет от мелочей, от почти незаметного следа — к первоосновам. К банальному, повседневному, насущному, невыразимому.

«На том и кончу. Автопортрет затруднен двумя обстоятельствами: я лучше знаю себя изнутри, внешний облик неясен мне. Я слишком много о себе знаю. И, наконец, как я могу говорить о своей влюбчивости и верности, о дочери, о друзьях? Кроме того, некоторые считают, что я талантлив. Если это верно, то многое в освещении автопортрета должно измениться, переместиться. Если это так — это дух Божий носится над хаосом, который пытался я нарисовать».

Сколь многие, подменяя раскаяние покаянием, клянут в себе хаос. Какое высокое смирение — хотя бы на миг, с чужих слов, поверить, что над твоим хаосом носится дух Божий!

Над хаосом, над бездной вод, над талым снегом.

Л. Сумм

УНДЕРВУД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мария Ивановна

Иринка

Анька

} ее дочери

Варвара Константиновна Круглова,
по прозвищу Варварка.

Маруся — ее падчерица, пионерка.

Маркушка-дурачок — нищий, безногий,
в колясочке на роликах.

Крошкин — студент техникума сценических искусств.

Мячик — студент политехникума.

Антоша — старик-часовщик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор в пригороде или в дачной местности. В глубине двора двухэтажный дом. Наверху живет Мария Ивановна с дочерьми — Иринкой и Анькой. Комнату она сдает студентам — Мячику и Крошкину. Внизу, налево, живут Варварка и Маруся. Направо, как раз под комнатой студентов, в бывшей лавчонке — Маркушка-дурачок. Летом. Часов пять вечера. Анька поливает траву из стакана.

Иринка. Анька!

Анька. Чего?

Иринка (*шепотом*). Что я видела!

Анька. Чего?

Иринка. Подойди сюда! Скажу.

Анька. Да-да!

Иринка. Что «да-да»?

Анька. Я подойду, а ты плюнешь.

Иринка. О! Есть мне время на всех плевать.
Что я дождик, что ли? Иди сюда!

Анька. А вчера ты зачем плюнула?

Иринка. Нечаянно! Да иди же сюда!

Анька. Нечаянно! Прямо в ленточку в новую.
Нечаянно!

Иринка. Так ты же сейчас без ленточки. Иди!
Интересное!

Анька. Мало ли что... Интересное! Я тебя
знаю! Хочешь что сказать — иди ты сюда!

Иринка. Ну, тогда погоди. Я сейчас.

Анька (*продолжает поливать траву*). Погоди...
И погожу! Я никуда не бегу. Куда бежать-то? Что я —
лошадь? Мать, наверное, уснула. Куда же бежать-то?

Иринка (*выбегает*). Брось поливать!

Анька. Они пить хотят...

Иринка. Брось поливать! Послушай, что я знаю!

Анька. Наверное, ничего и не знаешь?

Иринка. Нет, знаю. Интересное! Про мачеху,
про Марусину!

Анька. Про Варварку?

Иринка. Ну да! Интересное...

Анька. О?!

Иринка. Вот тебе и «о»!

Анька. Ну!

Иринка. Вот тебе и «ну» — она деньги считала!

Анька. Деньги?

Иринка. Деньги. Во какую массу! Как кирпич.
Толстую!

Анька. Рубли?

Иринка. Какие там рубли! Червонцы...

Анька. Ну, вот и врешь... Откуда у нее червонцы? Она же бедная! На пенсии. Откуда же у нее? Как же ты увидела?

Иринка. Да ты слушай. Видишь вон то гнездо?

Анька. То?

Иринка. Да!

Анька. Воробьиное?

Иринка. Да!

Анька. Под крышей?

Иринка. Да! Да! Да! Полезла я туда за мышонком...

Анька. Зачем?

Иринка. Да за мышонком же! Я туда вчера живого мышонка посадила.

Анька. Мышонка? Живого? А мне не сказала!

Иринка. Да ведь я же о другом говорю сейчас!

Анька. Сестра называется... Мышонка поймала, а мне...

Иринка. Да это же вчера было, когда ты в городе была! Я у кошки его отняла — а он совсем живой. Ну, я его туда... Хотела глянуть, как воробьи удивятся... Ну, вот... Лезу я...

Анька. Удивились?

Иринка. Ах, да не знаю я! Воробьята запищали, а старых дома не было. А тут меня мама обедать позвала. Я побежала и забыла. Только-только вспомнила. Полезла, глянула, нету там мышонка... Лезу обратно...

Анька. А где же он? Мышонок?

Иринка. Да не знаю! Ну, съели его, что ли!

Анька. И хвост?

Иринка. И хвост. Да ты слушай! Я же о другом рассказываю! Лезу я обратно — и глянула нечаянно

к Варварке в окно. Смотрю — сидит она на полу, страшная-страшная, в круглых очках. Сидит и деньги считает. Одну доску из пола вынула, оттуда и достает она деньги-то.

А нь к а. Ну!

И р и н к а. Посчитает-посчитает и закрутит головой, как гадюка!

А нь к а. Зачем?

И р и н к а. Смотрит — не подглядывает ли кто!

А нь к а. Я б с трубы сорвалась от страха.

И р и н к а. А я скорей назад.

А нь к а. Мама говорит: она Марусю голодом морит. А папа говорит: она же бедная — пенсия маленькая. Вот так бедная!

И р и н к а. Откуда ж деньги-то?

А нь к а. Наверно... Наверно, она разбойница!

Г о л о с В а р в а р к и. Опять, опять, опять выросла!

А нь к а. Она!

И р и н к а. Варварка!

А нь к а. Разбойница!

И р и н к а. Бежим!

Убегают.

В а р в а р к а (*за окном*). Опять она выросла... А? Нет, вы только посмотрите. Опять выросла. Скандалистка!

М а р у с я (*за окном*). А я виновата!

В а р в а р к а. Четырнадцать лет, а выше матери на целую голову!

М а р у с я. Вы мне не мать, а мачеха!

В а р в а р к а. Все равно, я втрое тебя старше! Растет, растет, сама не знает чего!

М а р у с я. Трава и то растет.

В а р в а р к а. Замолчи!

М а р у с я. Трава и то растет, а я — человек.

В а р в а р к а. Человек нашелся какой! Ты не человек, а девчонка!

М а р у с я. Чего вы щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь, а на окно показываю. Открой окно! Темно мне...

Распахивается окно. За окном Варварка и Маруся.

В а р в а р к а. Ну, так и знала! На четыре пальца! Разорение! На четыре пальца!

М а р и я И в а н о в н а (*показывается из-за занавески в окне второго этажа. Сонно говорит в пространстве*). Здравствуйте, Варвара Константиновна! Что, у вас опять Маруся выросла?

В а р в а р к а. Здравствуйте, Мария Ивановна! Опять выросла! Какая вы счастливая... Ваши девочки как девочки, а моя каждый день растет!

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Вы подумайте! Неужто каждый?

В а р в а р к а. Я ее вымерила, я ее высчитала, я в очереди отстояла. Я еле-еле отскандалила, чтобы приказчик ровно метр восемнадцать с половиной сантиметров отрезал. А она возьми да и вырасти на четыре пальца!

М а р у с я. Цыпленок и то растет.

В а р в а р к а. Молчи! Отпустят мне теперь в лавке сатину четыре пальца? А? Отпустят? Цыпленок...

М а р у с я. Чего вы щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь, я тебе на дверь показываю. Ступай, переоденься. Цыпленок... Вот сделаю тебе вставку из своей старой юбки, тогда узнаешь, что за цыпленок... Ступай.

Маруся уходит.

Мария Ивановна. Охо-хо-хо-хо!

Варварка (*шьет*). Чего вздыхаете?

Мария Ивановна. После обеда живот большой. Ляжешь — он тебе на душу давит. Поспишь — на душе тяжело.

Варварка. А вы не спите!

Мария Ивановна. Нельзя. Я сегодня ночь не спала.

Варварка. Отчего?

Мария Ивановна. От снов.

Варварка. От снов не спали?

Мария Ивановна. Ну да! От страшных снов.

Варварка. Что же вы видели?

Мария Ивановна. Старички на костыликах бегают, блошки пляшут. В голову мне гвоздики забивают...

Варварка. Отчего же это сны такие?

Мария Ивановна. От пишущей машинки.

Варварка. От чего?

Мария Ивановна. От пишущей машинки. Студенты — жильцы мои — хорошие люди, а беспокойные. Тот, что на актера учится, — кричит, кричит, кричит, будто начальство какое. А тот, что на инженера, — принес домой пишущую машинку. Всю ночь: тук, тук, тук! тук, тук, тук! тук, тук, тук! А мне снятся: гвоздики, блошки, костылики. Гвоздики, блошки, костылики...

Варварка. Где ж это он так разбогател — машинку купил?

Мария Ивановна. Что вы — купил... Ее не купишь. Это ему из института дали. Доклад, что ли, спешный отпечатать. А купить ее разве возможно!

Варварка (*бросает шить*). Дорогая?

Мария Ивановна. Тысячу рублей!

Варварка. Как?

Мария Ивановна. Что это вы так всполохнулись?

Варварка. Укололась об иголку. А почему вы знаете, что она тысячу стоит?

Мария Ивановна. Во вчерашней «Вечерке» читала. Похищена откуда-то там машинка... фабрика, кажется, «Ундервуд» — в тысячу рублей.

Варварка. Бывает... Однако пора и самовар ставить... Маруся! Маруся! Найди мне газету, самовар развести. Маруся! Найди мне вчерашнюю газету!

Мария Ивановна. Батюшки! Что же это я? Совсем забыла, что я пить хочу. Иринка! Аня! Где же вода-то?

Анька (*из окна рядом*). Я водой траву полила!

Мария Ивановна (*сонно*). Кипяченой водой? Траву?

Анька. Что ж что кипяченой. Зато холодной!

Мария Ивановна (*сонно*). Принеси опять.

Анька. Принесу! Только ты не засни.

Мария Ивановна (*сонно*). Не засну, если ты скоро.

Анька (*во дворе со стаканом*). Иринка! Иринка!

Иринка выбегает во двор.

Иринка. Чего тебе?

Анька. Идем в погреб за водой!

Иринка. Сама не донесешь, что ли?

Анька. Боюсь я. Страхов насказала про Варварку!

Убегают в погреб. Из дому выходит Маруся. Что-то ищет под окном. Из погреба выбегают Анька и Иринка. Увидев Марусю, замерли. Стоят и глядят на нее.

Маруся (*тихо и печально*). Девочки! Не видели тут газеты под окном? Вчерашней? Мачеха велела найти... Чего вы на меня уставились? Неужто я еще выросла?

Анька. Нет. (*Ставит воду на скамейку.*)

Маруся. Так чего же? (*Еще печальней.*) Выкатили гляделки, будто куклы какие-нибудь.

Иринка (*кидается к Марусе*). Она тебя бьет. Она тебя убьет.

Маруся. Что ты, что ты...

Анька. Она — разбойница, разбойница!

Маруся. Кто?

Иринка. Мачеха!

Маруся. С чего ты взяла?

Иринка. Она деньги считала! Во какую гору! На полу сидела.

Маруся. Когда?

Иринка. После обеда! Я под крышу лазила, в окно увидела.

Маруся. В какое окно?

Иринка. Вон в то!

Маруся. Ну да! Она там после обеда на ключ заперлась.

Иринка. Откуда у нее деньги-то?

Анька. Она разбойница, наверное! Она и тебя из детдома взяла, наверное, чтобы убить!

Маруся. Вот оно! Этого я и ждала! Этого я и ждала все время! Вот оно. Что же делать-то?

Иринка. А ты к нам переходи. У нас живи!

Анька. На диване у нас живи пока.

Маруся. Я так и знала, что дело неладно. Всегда она запирается, всегда в город ездит — а зачем ей? Знаете, девочки, она вчера телеграмму получила, а там написано: «цены прежние».

А н ь к а. Ну!

И р и н к а. Прежние?

М а р у с я. Что это за телеграмма? Знаете, девочки, будь она просто злая старуха, я бы с ней живо справилась. А она непонятная старуха!

А н ь к а. Очки носит...

М а р у с я. После обеда каждый день сядет она за стол, счета из шкафа достанет — и давай считать, на счетах щелкать. Щелк-щелк, будто кассирша в кооперативе.

А н ь к а. В «Пролетарии»?

И р и н к а. Заткнись!

М а р у с я. Откуда у нее деньги? Наворовала? Будет суд, спросят меня: «Как это так, восемь месяцев жили у нее — и не знаете, чем она занимается?» А у нее разве узнаешь? У нее все с хитростью. Щиплет — и то так, что не придерешься. Положит руку на плечо, будто так себе, и между пальцами как зажмет! А скажешь ей: «Чего вы щиплетесь?» — она сейчас же: «Я не щиплюсь, я показываю» или...

Из лавчонки выезжает в колясочке на роликах М а р к у ш к а.

М а р к у ш к а. Сено! Солома! Трава! Клевер! Турнепс! Пальмы! Горох! Табак!

Убегает, сделав по сцене два-три круга.

А н ь к а. Маркушка-дурачок побежал милостыню собирать.

М а р у с я. А как она меня надула, когда я в лагерь собиралась с отрядом! Свалилась, стонет, сознание теряет...

И р и н к а. У нас было слышно...

А нь к а. У нас было слышно, как она сознание теряет.

Ма р у с я. Я и поверила и осталась — и вот теперь сижу здесь одна. А отряд неизвестно где. Не знаю, как проехать. Ей даровой прислугой осталась.

А нь к а. Я очень боюсь ее. Очень.

Ма р у с я. Мячик! Мячик!

А нь к а. Ай! Ай! Что она делает! Ай!

И р и н к а. Не надо.

Ма р у с я. Что с вами?

А нь к а. Зачем Мячик?

Ма р у с я. Посоветоваться! С кем же еще?

А нь к а. Ай, что ты! Он ведь... Он сразу пойдет узнавать, расспрашивать...

И р и н к а. Он сразу начнет кричать: «Осмотри и борись!»

А нь к а. Варварка рассердится и всех нас поубивает. Она непонятная!

Ма р у с я. Не говори глупостей! Мячик!

И р и н к а. Ну, постой, ну, еще минуточку дай отдышаться. И зачем, зачем ты к ней из детдома пошла?

А нь к а. Сидела бы там.

Ма р у с я. Я скучала очень, когда отец помер и бабушка померла. Они ведь мне про Варварку ни слова не говорили. Я ж не знала, какая она. А она пришла в детдом голубь голубем, и все документы в порядке.

А нь к а. Я б эти документы порвала — да в нее.

Ма р у с я. Не порвала бы. Там все поверили, что она голубь. И арифметик, и заведующий. Уж на что умница Фекла, кухарка, и та поверила. А уж она, кажется, всякого насквозь видела. Кто лишнюю порцию съел, кто окно выбил — все Фекла узнавала,

только глянет. А вот на Варварке прошиблась Фекла. У тебя, говорит, будет теперь родная мать. Вот. Посмотрела бы она на эту мать...

Иринка. Хороша мать!

Маруся. Голодом морит! Сегодня на обед одно первое, завтра одно второе. Я один обед два дня ем! Ис чего это я расту? Куда ты, Аня?

Анька. Я тебе поесть принесу!

Маруся. Не надо мне! Не до того. Мячик! Мячик!

В окне показывается Крошкин.

Крошкин (*театрально хохочет*). Ха-ха-ха-ха-ха! Мячик занят... Ха-ха-ха...

Иринка. Чего ты?

Крошкин. Учусь. Это горький смех. Ха-ха-ха-ха! Ну что? Чувствуете? Дошло?

Иринка. Сказать ему?

Маруся. Ну да!

Иринка. Дядя Крошкин, спуститесь к нам!

Крошкин. О! Чего вы... так взволнованны... о... девочки двора?

Анька. Скажем что-то страшное про...

Иринка. Тссс-с!

Крошкин. О... я... заинтересовался... трепеща! Сейчас прибегу... как будто козочка... бегом... и кувырком... (*Скрывается.*)

Анька. Что, у него опять зачет?

Иринка. Ну да! Видишь, как складно говорит.

Анька. А когда он совсем на актера зачтется?

Иринка. Его спроси!

Крошкин. Ну вот и я... с ногами и... и... и ушами. О! В чем дело?

Маруся. Дядя Крошкин, у меня беда.

Крошкин (*серьезно*). Опять выросла?

Маруся. Да это пустяки!

Крошкин. Как пустяки! Нет, брат, это не пустяки. Рост — это дело о-го-го!

Маруся. Да ты послушай!

Крошкин. Рост это дело... крупное. Недавно заработал я десятку на халтуре.

Иринка. Постой! У нас беда!

Крошкин. Сейчас! Захотел я что-нибудь себе подарить — и невозможно! Самая большая рубашка — и мне рукава до сих пор!

Анька. Послушай нас, дядя!

Крошкин. Сейчас! И придется мне рукава наставлять. А кто мне наставит? Брюки хотел купить — и брюк по мне нет. По сих пор самые длинные. Ничего себе подарить не могу! А ты говоришь — рост пустяки... Рост это...

Маруся. Дядя Крошкин! Пожалуйста, очень я тебя прошу. Важное дело.

Крошкин. Ну, ладно! Слушаю. (*Садится с размаху на стакан с водой.*) Караул! Тону!

Анька и Иринка смеются.

Маруся. Ну вот! Все заржали! С вами никогда дела не сделать. Мячик! Мячик!

Анька. Маруся, не надо!

Иринка. Маруся! Он ведь очень рассердится.

Анька. И она рассердится.

Иринка. И нам плохо будет.

Анька. И тебе плохо будет.

Маруся. Бросьте, девочки! Мячик!

Девочки плачут.

Крошкин. Ревут! Честное слово, ревут! Ревут, как тигры. Раньше Мячик — любимец публики, а теперь он вдруг вызывает слезы... В чем дело?

Анька. Мы боимся!

Крошкин. Кто?

Иринка. Она Варварки боится.

Крошкин. А ты?

Иринка. И я!

Крошкин. Ничего не понял! При чем здесь Мячик?

Маруся. Мячик! Мячик!

Распахивается окно.

Мячик. Кто меня звал? Ты, Маруся?

Маруся. Я, Мячик.

Мячик (*выпрыгивает из окна*). Ты? По делу?

Маруся. Я. Да.

Мячик. По важному?

Маруся. Да!

Мячик. Если так, то постой. Ать-два! Ать-два! Ну вот, опять на плечах голова. А то был котел. Шутка ли? Всю ночь печатал. Какое дело?

Маруся. Иринка у мачехи видела — во какую гору денег! Она на пенсии. Откуда же деньги-то?

Мячик. Что, что? Деньги?

Анька. Это Иринка видела, не я...

Иринка. Я... Она... Мы... боимся...

Мячик. Глупости! Осмотрись — и борись! Что за ерунда! Не дрожать! Деньги там были? Не ошибаешься?

Маруся. Нет! Я давно вижу что-то неладное, очень что-то неладное делается у нас. Как быть? А? Мячик!

Мячик. Маруся, Маруся, где ты так избаловалась? Осмотрись и борись — понятно? Осмотрись и борись! А мы поможем...

Маруся. Откуда у нее деньги? Награбила?

Дверь в квартиру Варварки распахивается.

Варварка. Здравствуйте, молодые люди. Что смотрите так? Впервой видите?

Крошкин. Привет вам... о, герцогиня! Хотя, конечно, не впервой, но вроде как бы и впервой!

Варварка. А вы все пьесы учите? Все из роли?

Крошкин. Хоть не из роли, но в этом роде.

Варварка (*Мячику*). А вы всю ночь печатали?

Мячик. Да!

Варварка. Устали, небось?

Мячик. Да!

Варварка. А трудно это — научиться печатать?

Мячик. Нет!

Варварка. А какая у вас машинка? Какой фабрики?

Мячик. «Ундервуд»!

Варварка. А ты что стоишь? Я тебе велела «Вечерку» вчерашнюю найти. Я хочу самовар развести. Где газета? (*Кладет Марусе руку на плечо.*)

Маруся. Да чего вы щиплетесь?

Варварка. Я не щиплюсь, я тебя направляю! Ступай, ищи.

Крошкин. О, герцогиня! Не посылайте искать... сию малютку. Вот вам газета.

Варварка. Так ведь это «Правда»!

Крошкин. Но, герцогиня, газета вам нужна для самовара. Ведь «Правда» больше «Вечерки»?

Варварка. Действительно, я напутала. Давай-те «Правду», все равно!

Крошкин. О нет, зачем же! Мне тоже все равно. *(Опускается на одно колено.)* О, герцогиня, вот вам «Вечерка».

Варварка. Спасибо! *(Кладет Марусе руку на плечо.)* Идем!

Маруся. Чего вы щиплетесь?

Варварка. Я не щиплюсь, я тебя зову. Идем.

Маруся. Сейчас.

Варварка уходит.

Маруся. Что мне делать, братцы? Что мне делать?

Крошкин. Иди и возвращайся!

Маруся. Хорошо. *(Убегает.)*

Мария Ивановна *(сонно)*. Иринка! Анька! Где же вода?

Иринка. На нее дядя Крошкин сел.

Мария Ивановна *(сонно)*. На кипяченую воду сел?

Иринка. Так ведь нечаянно!

Мария Ивановна *(сонно)*. Принеси еще!

Иринка. Так ведь ты опять заснешь.

Мария Ивановна. Не засну, если ты скоро.

Из окна студентов хор. Радио.

Иринка. Радио! Бежим скорей за водой.

Анька. А потом послушаем. Да?

Иринка. Да! Бежим скорей!

Убегают.

Мячик. Ну что скажешь, товарищ Крошкин?

Крошкин. Дело неясное, товарищ Мячик.

Мячик. Какие они деньги видели? Правду говорят?

К р о ш к и н. Несомненно, правду. Они тут ревели. Они — девочки веселые. Если ревут, значит, что-то неладно.

М я ч и к. Тут разобраться надо.

К р о ш к и н. Это так.

Девочки выбегают из погребка.

А н ь к а. Еще не кончилось радио...

И р и н к а. Мама! Мама! Я принесла воду! Спит.

А н ь к а. Что это они играют?

М я ч и к. А не знаю, сюда не слышно было, как объявляют.

М а р у с я выбегает из дверей.

М а р у с я. Братцы, дорогие мои! Что мне делать? Вы радио послушаете, по домам пойдете, а я к ней на мученье! Вы будете спать, а мне конский волос щипать!

М я ч и к. Какой конский волос?

М а р у с я. Бросила мне сейчас матрас грязный, старый, в помойной яме нашла, что ли. «Выщипи, говорит, из него конский волос».

И р и н к а. Зачем?

М а р у с я. А разве я знаю? Выщипи и в мешок набей. Что делать, товарищи? А? Куда деваться?

М я ч и к. Ох Маруська, Маруська! И когда это ты так избаловалась? О чем мы вчера говорили?

М а р у с я. Ах, не помню! Посоветуй, что делать, Мячик! А? У нас там такая сырость да грязь, а теперь еще деньги эти...

М я ч и к. Маруська, мы вчера с тобой говорили об Индии. Верно?

М а р у с я. Ну, верно.

Мячик. Что ты мне говорила? Ах, счастливые индусские пионеры! Ах, у них там борьба. А теперь заныла? Когда до борьбы дошло — заныла? Как только непонятное положение, опасность — плачешь? Это, брат, только в книгах: чуть что — отряд на вырубку спешит, а в жизни не угодно ли иной раз и одной попробовать.

Маруся. Да ведь тут мачеха, а не...

Мячик. А мачеха тебе не враг? А откуда у нее деньги? Осмотрись и борись, а мы поможем, а если понадобится — позовем на помощь и...

С улицы крик: «Дерево!»

Анька. Маркушка-дурачок с милостыни вернулся.

С улицы: «Листик!»

Мячик. Идем к нам. Поговорим обо всем подробней.

Влетает Маркушка-дурачок.

Маркушка. Дерево! Листики! Кустики! Веточки! Планочки! Палочки! Рамочки! Вагоны!

Маруся. Братцы, что он ко мне пристал!

Маркушка. Почки! Сучочки! Оглобли!

Иринка. Не трогай меня!

Все уходят. Маркушка один бегаёт по площадке.

Маркушка. Окно! Стекло! Стакан! Рюмочки! Лампочки! Чернильница! Телескоп! *(Подходит к Варваркиному окну.)* Очки! Хлеб! Пышки! Пирожки! Караваи! Булки! Батончики! Розанчики! Корки!

Варварка *(высовывается из окна)*. Это ты, Маркушка?

Маркушка. Я, Варюша.

Варварка. Подойди-ка сюда. Они все радио слушают?

Маркушка. Да, они все наверх пошли.

Варварка (*вытирает ему лоб платком*). Опять ты весь потный! Недаром говорила мама-покойница: Маркушке простудиться — пустяк. Застегни ворот.

Маркушка. Как дела?

Варварка. А дела неплохи! Сегодня считала... Знаешь, сколько мы за прошлый месяц заработали?

Маркушка. Ну?

Варварка. Триста пятьдесят рублей. Рубашка-то у тебя какая грязная! Замоталась я сегодня, не успела я тебе смену выстирать... Да! Триста пятьдесят.

Маркушка. Это мы тогда задешево часы скупили. Золотые-то.

Варварка. Ну уж и задешево. Краденые! Продали хорошо, это верно. А купили... Краденые еще дешевле можно купить. Погляди на меня! Что это глаза у тебя такие мутные? У тебя жар!

Маркушка. Какое там! Нет!

Варварка. Почему ты знаешь?

Маркушка. Чувствую.

Варварка. Ты чувствуешь! Помнишь, когда у тебя корь была? Когда тебе девять лет было? Тоже на ногах ходил, пока сыпь не высыпала.

Маркушка. То когда было. Пирожок мне обещала. Спекла?

Варварка. Ой, братик миленький, прости за была! Замоталась с машинкой с этой.

Маркушка. С какой машинкой?

В а р в а р к а. Ох ты, господи! О главном-то и забыла. Дело есть! Прибыльное. Читай.

Дает Маркушке вырезку из газеты.

М а р к у ш к а (*читает*). «Из помещения рабкома пищевиков похищена пищащая машинка системы «Ундервуд». Стоимость похищенного около тысячи рублей». Ну?

В а р в а р к а. Около тысячи рублей. А? Когда мне эта соня верхняя сказала, я не поверила. Я и не думала, что машинка столько стоит. Я сейчас давай газету искать. Нашла — и вот видишь — верно! Тысячу рублей.

М а р к у ш к а. Да нам-то что до этого?

В а р в а р к а. Да студент-то! Верхний! Машинку домой принес! «Ундервуд»!

М а р к у ш к а. Так!

В а р в а р к а. Я Маруське велела мешок конского волоса нащипать. Когда никого не будет, мы ее вытащим. В мешок. Да и в город. Конский волос мягкий. Ничего не поломается.

М а р к у ш к а. Ай да Варюша! Только нет. У меня другой план есть. Мы не так вытащим.

Окно Марии Ивановны распахивается настежь.

М а р и я И в а н о в н а. Нет! Нет! Так вот вы кто! Нет! Нет! Нет!

В а р в а р к а. Это еще что за глупости?!

Маркушка выскакивает из колясочки. Ноги у него здоровые. Бросается к водосточной трубе.

М а р и я И в а н о в н а. Не позволю моего жильца обкрадывать! Это не его вещь, это казенная вещь!

В а р в а р к а. Мария Ивановна, за-мол-чи-те!

Мария Ивановна. Нет! Нет! Нет! Ой, у меня пояс лопнет сейчас. Не замолчу! Воры!

Маркушка (*у ее окна поднялся по водосточной трубе*). Молчи!

Мария Ивановна. Ой!

Маркушка. Молчи, или тебе худо будет. Поняла? Молчи, или тебе худо будет!

Мария Ивановна. Худо будет...

Варварка. Повтори ей, Маркушка! Она плохо поняла.

Маркушка. Если хоть один человек узнает, о чем я с сестрой говорил сейчас, тебя на дне морском отыщу. С того света вернусь! Я т-т-тебя...

Мария Ивановна. Ой, зубы какие! Да не скаль ты зубы! Зубы какие!

Маркушка. Поняла?

Мария Ивановна. Да!

Маркушка. Будешь молчать?

Мария Ивановна. Да!

Маркушка. Запомни! (*Спрыгивает на землю, бежит к себе.*)

Мария Ивановна. Что же это будет? Что же это будет?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого действия. Два часа дня.

Мария Ивановна. Девочки! Девочки! Девочки! Нету их... Девочки милые! Пропали... Иринка! Анька!

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). Чего тебе?

А нь к а. Кричит, как автомобиль. (*Передразнивает.*) «Девочки! Девочки!»

Ма р и я И в а н о в н а. Да как вы можете со мной так разговаривать?

И р и н к а. А что?

Ма р и я И в а н о в н а. Мне же обидно!

А нь к а. А нам не обидно?

И р и н к а. Подругу себе какую нашла!

А нь к а. С разбойницей подружилась...

Ма р и я И в а н о в н а. С какой разбойницей? Откуда ты знаешь?

И р и н к а. Чего там знать! Сидела у тебя Варварка с восьми часов утра? Сидела!

Ма р и я И в а н о в н а. Какая же она разбойница?

А нь к а. А что, я тебе не рассказывала, как деньги она считала?

Ма р и я И в а н о в н а. Может, то были ее деньги.

А нь к а. Откуда?

И р и н к а. Сидишь с ней целое утро...

А нь к а. А нас в лавочку посылаешь за макаронами!

И р и н к а. А у нас их в кладовой два кило! Еще папа с кооператива принес!

А нь к а. Значит, нарочно посылала, чтоб с ней поговорить!

И р и н к а. Секреты разговаривают, подружки новые. Ну и сидите с ней!

А нь к а. Записывайтесь в разбойницы!

И р и н к а. А нас не зовите. Пойдем, Анюта!

Ма р и я И в а н о в н а. Девочки! Побудьте тут.

А нь к а. Пойдем, Иринка!

Ма р и я И в а н о в н а (*отчаянно*). Девочки, я прошу же! Сядьте тут, у двери. Сидите тут, а то я

вас насмерть забью! Сидите, я вам гривенник дам.
(*Взглядывает на Варваркино окно и убегает.*)

А нь к а. Чего это она?

И р и н к а. Заболела?

А нь к а. Может, ей Варварка конфету дала такую?

И р и н к а. С каплями сумасшедшими...

М а р и я И в а н о в н а возвращается.

М а р и я И в а н о в н а (*шепотом*). Тут, тут, тут сидите.

И р и н к а. Мама!

А нь к а. Мама, не надо!

М а р и я И в а н о в н а. Сидите тут, у двери, весь день и смотрите! Сидите и смотрите!

И р и н к а. На что смотреть-то?

М а р и я И в а н о в н а. Не спрашивайте меня! Сидите! Смотрите! (*С ужасом взглядывает на Варваркино окно.*) Что же это такое?

Убегает.

А нь к а. Говорила я тебе...

И р и н к а. Что ты мне говорила?

А нь к а. Не помню... А только я знала!

И р и н к а. Что ты знала?

А нь к а. Что худо будет.

М а р у с я выбегает из дома.

М а р у с я. Девочки! Что у вас Варварка утром делала?

И р и н к а. Заперлась с мамой, целый час говорили.

А нь к а. А нас отправила за макаронами.

М а р у с я. Знаете что?

А нь к а. Ну?

Ма р у с я. Она что-то против меня готовит.

И р и н к а. Почему ты думаешь?

Ма р у с я. Она сегодня со мной ласковая-ласковая!

А нь к а. Н-ну?

Ма р у с я. По комнатам летает прямо чижиком. Щечки красные. Сама себе мигает! Сама с собой говорит. С утра успела и у вас побывать, и в город съездила. А сейчас сидит мешок зашивает.

А нь к а. Какой мешок?

Ма р у с я. Тот, что конским волосом я набила. А со мной ласковая-ласковая. Но только меня она не проведет. Я ей теперь ни в чем не подчинюсь. Я рассердилась!

А нь к а. На кого?

Ма р у с я. На нее.

А нь к а. А раньше ты разве на нее не сердилась?

Ма р у с я. Да что ты меня все спрашиваешь и спрашиваешь? Я сама ничего не знаю. Я только знаю, что некогда! Некогда! Готовит она что-то. Надо ей мешать.

Из дома выходят Крошкин и Мячик.

К р о ш к и н. Девочки! Смотрите, какая у меня улыбка.

А нь к а. Большая...

К р о ш к и н. Скорбная! Это — скорбная называется. Я ее сегодня нашел.

А нь к а. Где?

М я ч и к. Ну, идем, Крошкин, а то я опоздаю.

Мария Ивановна выходит.

Мария Ивановна. Вы куда уходите?

Мячик. Я к себе в институт, Мария Ивановна.

Крошкин. А я пройтись.

Мария Ивановна. Товарищи! Я прошу вас! Ох... *(Опускается на скамейку.)* Говорила я ему! Езжай в дом отдыха осенью! А он: «Нет, я на заводе устал». Уехал... А ведь я ему говорила!

Мячик. Кому?

Мария Ивановна. Мужу! Уехал... А тут вот оно что!

Мячик. Да что случилось?

Мария Ивановна. Ах, нет! Ничего, ничего. Вы куда уходите?

Иринка. Мама, они же сказали!

Анька. В институт, мама!

Мария Ивановна. Нельзя ли не уходить?

Мячик. А что?

Мария Ивановна. Ох, нет! Ничего, ничего! *(Шепотом.)* Прошу вас не уходить! Прошу!

Крошкин. Мария Ивановна! Да расскажите вы нам, в чем дело!

Мария Ивановна. Ах, ну... Что за настырные люди! Что рассказывать? Не надо вам уходить. *(Скороговоркой.)* Я видела во сне, что у вас пишущую машинку украли!

Мячик. Что?

Мария Ивановна. Пишущую машинку. Во сне! Во сне! И довольно! И сидите дома. *(Убегает.)*

Мячик. Что такое?

Крошкин. Она больна.

Иринка. Это ее Варварка! Варварка ее! Она сегодня у нас с утра сидела!

Мячик. Что за ерунда! Не может же она...

Маруся. Она все может! Вы не знаете ее — она все может! Я понимаю! Она пишущую машинку решила у вас украсть!

Мячик. А Мария Ивановна откуда это узнала?

Маруся. Ой, не будем сейчас думать откуда. Некогда, некогда. Надо скорее, скорее, скорее...

Мячик. Да что скорее-то?

Маруся. Ах, не знаю я! Неужто мы ее глупее? Она что-то готовит... Неужто мы не помешаем? Марию Ивановну запутала. Девочки! Мальчики! Вот при всех говорю: что бы она ни велела — не буду делать. Самый пустяк — и то не буду. Меня она не запугает.

Мячик. Хлоп! *(Прыгает.)* Хлоп! *(Прыгает.)* Хлоп! *(Прыгает.)* Ать-два! Ать-два! Ну вот, опять на плечах голова. А был котелок. Шутка ли... столько со всех сторон наговорили! Так что ты советуешь делать?

Маруся. Не ходить никуда.

Мячик. Это ерунда! Сейчас осмотрюсь. *(Задумывается.)* С одной стороны — уйти мне необходимо. С другой стороны — «Ундервуд» институтский, дорогой, только что из-за границы. Вывод вот какой: если есть опасность кражи, я должен помешать. Как? А вот как. *(Бежит в дом.)*

Крошкин. Девочки! Что вы плачете?

Иринка. Со стыда!

Анька. Мама теперь тоже разбойница!

Крошкин. Как вам не стыдно!

Маруся. Не ревите, девочки! Некогда, некогда!

Мячик в окне.

Мячик. Окно с улицы я ставней закрыл и припер. Это — щеткой припру. *(Запирает ставни.)*

Маруся. Не ревите, девочки! Стоят, глаза руками позакрывали. А сейчас надо во все глаза смотреть. Бросьте, я вам говорю! Ни в чем ваша мама не виновата! Она же вышла, сказала — берегитесь, мол!

Анька. А чего она так странно говорила?

Иринка. Как будто боялась чего!

Мячик выходит.

Мячик *(Крошкину)*. Вот тебе ключ. Ты только пройтись шел, дыханье поупражнять, так вот, дыши во дворе. Останься на всякий случай. До свиданья!

Маруся. А может, мы сядем у тебя в комнате, рядом с машинкой, сторожить?

Мячик. Ну, это уж паника. Даже неприятно! К чему в такую погоду в комнате сидеть? Крутитесь тут, около, на всякий случай!

Маруся. А может, сказать мачехе прямо — мы тебя подозреваем! Руки прочь!

Мячик *(взглядывает на часы)*. Ой! Потом, потом, Маруся! Я вернусь очень скоро! Тогда обсудим. *(Убегает.)*

Крошкин. Здорово, орлы! Смирно! Равняйся! Мы охраняем эту крепость... Ну чего вы? Чего? Сторожка! Смотри, Маруся, у них на носу лягушки завелись от сырости. Вон они — лягушки. Лови! *(Хватает Аньку и Иринуку за нос.)* Есть! Э-э-э! Красноносые! Разве можно сторожить с такими красными носами? Подумают, что пожар... Пожарные команды приедут.

Маруся. Верно, девочки, бросьте. Не до того.

А нь к а. Я уже бросила... Я только вздыхаю!
А все-таки, что же с мамой?

И р и н к а. Я ее такой никогда не видела!

К р о ш к и н (*носитя в дикой пляске вокруг девочек*).

Заньли, заньли, заньли...

А нь к а. Что это ты?

К р о ш к и н. Довольно! Затрубили трубы.

Назавтра двинемся в поход.

Танцуют кони у порога,

А седла крепкие скрипят.

Поймаешь пляшущее стремя...

(*Мимически иллюстрирует стихи.*)

А нь к а. Смотрите, смотрите!

К р о ш к и н. А вот еще. Из другой роли.

Спи, бедный пленник! Солнце закатилось,

болото налилось кровавым светом,

а камыши недвижны и неслышны,

как сторожа...

М а р у с я. К чему это?

К р о ш к и н. Это чтобы они не ревели, гражда-
ночка.

М а р к у ш к а (*за сценой*). Гвоздики!

К р о ш к и н. Маркушка вернулся!

М а р к у ш к а. Проволоки!

К р о ш к и н. Что это он сегодня рано?

М а р к у ш к а (*вбегает*). Рельсы! Звонки! Стрел-
ки! Щеколды! Крыши! Мосты! Пуговицы! (*Пробега-
ет в дом.*)

К р о ш к и н (*заглядывает*). К вам побежал. По-
стою у двери, чтоб к нам не побежал. А что он у вас
делает?

М а р у с я. Не знаю! Забегает.

К р о ш к и н. А мачеха ничего?

Маруся. Нет. Он вбежит, орет, прыгает, а она прибирается или шьет, а ему ни слова. Боится, наверное, что ударит.

Анька. Его все боятся. Мама тоже боится.

Иринка. Пойду посмотрю, что мама делает. *(Уходит.)*

Крошкин *(пляшет у двери)*. Девочки! Девочки! Ну что это в самом деле? Говорят не своим голосом, глядят не своими глазами.

Довольно! Затрубили трубы...

Анька. Смешно ты делаешь. А все-таки мне как-то неладно.

Крошкин. Ну на тебе еще. *(Пляшет.)* Теперь ладно?

Иринка возвращается.

Анька. Ну что?

Иринка. Мама лежит.

Анька. Спит?

Иринка. Нет, смотрит. Я говорю ей: «Ты что?»

Анька. А она?

Иринка. А она говорит: «Уходи вон!»

Анька. Мама так сказала?

Иринка. Да!

Анька. Никогда она раньше так не ругалась.

Иринка. У Варварки научилась.

Анька. А как же обед?

Иринка. Что обед?

Анька. Обед она не готовит?

Иринка. Нет. И печку не растопила. Лежит.

Анька. Что же это будет?

Марушка *(пробегает к себе)*. Камушки! Глина! Песочек! Кирпичики! Горы!

Анька. Значит, есть нам нечего?

Иринка. Хлеба поедим.

Анька. Может, за доктором сходить?

Иринка. Я спросила ее.

Анька. А она?

Иринка. А она говорит: «Они же еще обо мне беспокоятся!» И ну реветь!

Анька. А ты что?

Иринка. А я скорей убежала.

Маруся. Хоть бы скорее началось. Что она задумала?

Иринка. Погода как всегда, а кругом все другое...

Маруся. Так и ждешь... Так и ждешь...

Крошкин. Заныли, заныли, заныли... *(Пляшет в дверях.)*

Довольно! Затрубили трубы

Назавтра...

Варварка *(выходит)*. Какие хорошие есть институты на свете!

Крошкин. Чего-с?

Варварка. Какие хорошие институты есть! Целый день можно дома сидеть, не учиться. Пляски выплясывать. Шуточки вышучивать. Позвольте пройти!

Крошкин. Это куда же?

Варварка. К Марии Ивановне.

Крошкин. Это зачем же?

Варварка. Вы опять шуточки вышучиваете?

Крошкин. Нет, мне, верно, интересно.

Варварка. Какие могут быть у молодого человека интересы к старушечьим делам? Позвольте!

Крошкин. Ой! Вы никак щиплетесь?

Варварка. Я не щиплюсь! Я вас отстраняю.

Крошкин. Как вы странно отстраняете! Так синяк может получиться!

Варварка. Синяк — вещь не опасная. Посинеет, пожелтеет — и нет его! *(Уходит.)*

Иринка. Зачем ты ее пустил?

Крошкин. Не драться же!

Анька. И ты ее побоялся?

Крошкин. Нет как будто.

Маруся. Давайте... Иринка! Ты к этому гнезду по трубе лазила?

Иринка. Да!

Маруся. Лезь опять. У вас окна открыты, может, услышишь, о чем говорят.

Иринка. Ладно. Только ты, дядя Крошкин, рядом стань...

Крошкин. Зачем?

Иринка. Может, я такое услышу, что с трубы свалюсь!

Крошкин. Ладно. Стой. Я тебя подсажу. Держись!

Иринка. Сейчас! Ногу установлю.

Варварка выходит.

Варварка. А теперь с детишками в игры играет. Какой смешной молодой человек! Девочки! И вы, товарищ! Вас Мария Ивановна к себе просит!

Иринка. А что с ней?

Варварка. Скучает. Нездорова. Всех просит.

Анька. Идем! Идем, идем скорей!

Все, кроме Варварки, уходят.

Варварка *(у двери в лавочку)*. Маркушка! Маркушка!

Маркушка. Что?

В а р в а р к а. Все сделано, как ты велел. Мария Ивановна всех позвала! Я приказала ей... Крошкина она задержит. Мячика я тут подстерегу. *(Смеется.)*

М а р к у ш к а. Чего ты смеешься?

В а р в а р к а. Смеюсь, какой ты у меня умница... Орел! Как сейчас вижу: идешь ты в матросском костюмчике, ножки в чулочках... Мама-покойница...

М а р к у ш к а. Не плачь, Варюша.

В а р в а р к а. Орел! Ботиночки на пуговичках... Ну хорошо, хорошо... Я перед работой всегда разволнуюсь... Ступай! А я за Марусю примусь.

В а р в а р к а *(одна)*. Маруся! Марусенька! Пойди сюда на минуточку. Я тебя сейчас отпущу! На одну секундочку! Выйди, доченька! Выйди, милая! Выйди, красавица! Выйди скоренько!

М а р у с я. Что?

В а р в а р к а. Какая сердитая! Смотрит боком. Так можно глаз испортить. Косой станешь. Женихи не будут любить.

М а р у с я. Не обхаживайте меня.

В а р в а р к а. Что, Марусенька?

М а р у с я. Не обхаживайте меня! Я вас знаю! Меня вы все равно не обойдете!

В а р в а р к а. А раз все равно не обойду — чего же тебе беспокоиться? Чего же кричать?

М а р у с я. Я не кричу! Я тихо говорю! Я вас знаю! Я при всех обещалась ничего для вас не делать!

В а р в а р к а. Ну вот и хорошо, что ничего не будешь делать. Ну вот и успокойся!

М а р у с я. Не буду я больше у вас жить. Уйду.

В а р в а р к а. Куда?

М а р у с я. Не трогайте меня, я вас повалю!

В а р в а р к а. Я тебя и не думала трогать.

Маруся. У меня мускулы есть!

Варварка. Ну и на здоровье. Куда же ты хочешь уйти?

Маруся. Отряд искать.

Варварка. Вот тебе адрес.

Маруся. Ой!.. Какой?

Варварка. А ты какой, думаешь?

Маруся. Отряда.

Варварка. Нет. Это газеты вашей, пионерской, адрес. Там известно, где какой отряд стоит.

Маруся. Как же я сама раньше не подумала...

Варварка. Это уж я не знаю. Знаю, что завтра у них ремонт начинается, и неделю все будет закрыто. А я неделю ждать не хочу. Мне — прямо скажу — надоело врага дома иметь. За каждым шагом следишь. Дам тебе деньги — езжай в город, узнай адрес, и чтоб завтра же тебя не было. Езжай, езжай — там скоро закроют. Езжай!

Маруся. К своим поеду, к своим! *(Бежит к дому.)*

Варварка. Стой! По дороге заедешь, мешок отдашь на улицу Герцена, тридцать четыре.

Маруся. Какой мешок?

Варварка. Конский волос отвезешь, а в нем часы часовщику Антону Ивановичу. Улица Герцена, тридцать четыре. Квартира там записана на газете. Адрес — на обороте. Чего ты на меня уставилась? Не хочешь — не вези. Только тогда я денег на трамвай не дам. Пешком пойдешь.

Маруся. Я посмотрю, что в мешке!

Варварка. Ну, езжай, езжай, а то там закроют.

Маруся бежит в дом.

Варварка *(стучит к Маркушке)*. Ну?

Маркушка. Сделано.

В а р в а р к а. Спасибо. Марусяка поедет. Ты есть хочешь?

М а р к у ш к а. В городе у Антошки поем. Ты поскорей туда... Кожа...

М а р у с я выходит.

М а р к у ш к а. Ремни! Подошвы! Слоны! (*Убегает.*)

В а р в а р к а. До свиданья.

М а р у с я. Тяжелые часы какие!

В а р в а р к а. Мрамор!

М а р у с я. Девочки! Крошкин! Я в город еду спешно! Скоро вернусь!

К р о ш к и н (*издали*). Ладно!

В а р в а р к а. Побежала! Беги! Беги! «Я вас знаю!» Молода ты еще меня знать-то! Я десять таких, как ты, вокруг пальца обовью да еще бантиком завяжу. Со мной, брат, и не такие умники плакали.

Входит М я ч и к.

М я ч и к. Куда это Маруся помчала?

В а р в а р к а. А не знаю! Я вас хотела спросить. Думала, вы ее куда послали.

М я ч и к. Так меня ведь дома не было!

В а р в а р к а. Я не знаю, где вы были. Мешок — не мой, а бежала она с вашей лестницы. Чего оглядываетесь? Товарища ищите? Он у Марии Ивановны!

Уходит к себе.

М я ч и к. Крошкин! Крошкин!

К р о ш к и н (*издали*). Бегу!

М я ч и к. Хорош сторож! Где ты пропадал?

Крошкин. Ну, брат, тут такая буза! Позвала меня Мария Ивановна — и давай мне и девочкам сказки рассказывать.

Мячик. Какие?

Крошкин. Настоящие! Про Бабу-ягу, про Кощея. Я хотел уйти, а она плачет.

Мячик. Совсем, что ли, спятила?

Крошкин. Вроде.

Мячик. Где ключ? Идем.

Крошкин. Ты ступай один. На ключ. А я тут, на воздухе, посижу. Отойду. А то у меня от сказок от этих в голове манная каша.

Мячик уходит. Иринка и Анька входят.

Иринка. Прогнала она меня!

Анька. И меня тоже. Злая вдруг стала! Красная! Уйдите, говорит, побегайте. А я уже есть хочу, а не бегать.

Мячик открыл окно.

Мячик. Ну, стража, все благополучно. Дверь не взломана, окна как были приперты, так и остались, и главное — машинка, вот она, на месте.

Машинку ясно видно из окна.

Крошкин. Ну и ладно.

Мячик. А все-таки отнесу я ее сегодня обратно в исполбюро. Напечатаю последние восемь страниц. *(Снимает футляр — машинки нет.)* Ой!

Крошкин. Что такое? Пропала?

Мячик. Все кругом было заперто. Я сам сейчас все запираю.

А нь к а (*плачет*). Милиция! Милиция!

М я ч и к. И никто не проходил тут по лестнице?

В а р в а р к а в черной шляпе, с зонтом выходит из дома.

В а р в а р к а. Маруся проходила.

И р и н к а. Не ври!

В а р в а р к а. С большим мешком проходила Маруська. (*Мячику.*) Да вот и вы, товарищ, ее встретили!

М я ч и к. Не могла она взять машинку!

В а р в а р к а. Ах, у вас машинка пропала? Я и не говорю, что она взяла. А говорю, что она по лестнице проходила.

К р о ш к и н. Что вы так спешите девочку обвинять?

В а р в а р к а. Я не обвиняю и не покрываю. Что видела, то и говорю.

К р о ш к и н. Не сами ли вы ее с мешком и послали?

В а р в а р к а. Она при вас клялась меня не слушать. Она мне сама так сказала. Всего хорошего!

И р и н к а. Стой!

А нь к а. Стой!

И р и н к а. Маму запутала, а теперь Маруську! Я тебя не пущу.

В а р в а р к а. Попробуй.

А нь к а. Я тебя укушу!

М я ч и к. Девочки, назад!

И р и н к а. Почему?

М я ч и к. Назад! Всего хорошего.

В а р в а р к а. Ха-ха-ха! Вы прямо ихний командир! До свиданья! (*Уходит.*)

М я ч и к. Она знает, где машинка!

И р и н к а. А зачем отпустил?

Мячик. Выследить. Я, как собака, за ней следом пойду. Зубами вцеплюсь. Как из запертой комнаты среди бела дня машинку вытащили? Как?

Иринка. А Маруся? Маруся куда пошла?

Анька. Что за мешок у нее был?

Иринка. Чего она Варварку послушалась?

Крошкин. Что это такое? Что все это значит?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большая комната часовщика Антоши. Стенные часы.

Антоша (*поет*). Вот и комнату прибрал старичок Антоша. Он и му-ух выгнал вон — старичок Антоша. Вот и стулья все расставил старичок Антоша. Мог бы даже отдохнуть старичок Антоша, а тут такая неприятность от Варвары Константиновны! Должен гостью ожидать старичок Антоша и ее непременно задержать, непременно задержать! Сколько лет не видались.

Звонок.

Вот никак она звонит, пойдём да и отопрем! (*Выходит.*) Войдите, войдите, гражданочка. (*Входит с Марусей.*) И мешок сюда несите. Положите мешок-то. Мешок небось тяжелый. Наверное, вы устали?

Маруся. Нет, я сильная.

Антоша. Сильная?

Маруся. Да!

Антоша. Как неприятно!

Маруся. Почему?

Антоша. Очень это неприятно старичку Антоше. Сейчас. Я сейчас. *(Уходит.)*

Маруся. Как он поет смешно! Как курица... Старичок!

Антоша *(из-за сцены)*. Сейчас.

Маруся. Мне уходить надо!

Антоша. Сию минуточку! *(Входит и пристально смотрит на Марусю.)*

Маруся. Что вы на меня смотрите?

Антоша. Лицо у вас милое! Милое у вас лицо. Очень это мне неприятно.

Маруся. Какой вы, дедушка, странный. Я ухожу. До свиданья!

Антоша. Вот тут-то оно и начнется.

Маруся. Что начнется?

Антоша. Главные мои подлости.

Маруся. Что это значит?

Антоша. А значит, виноват, это значит, что вы не уйдете отсюда.

Маруся. Как!

Антоша. Это не я! Ох беда ты моя, беда! И вечно я впутаяюсь... Не я... Приказано мне вас задержать!

Маруся. Кто приказал?

Антоша. Мачеха ваша, Варвара Константиновна!

Маруся. Ой!.. Зачем?

Антоша. Ну как зачем?.. Приказано! Не выпущу! Может, я и не знаю зачем. Ох беда ты моя, беда...

Маруся. Ну что же это опять начало делаться?! Дедушка!

Антоша. Что, милая?

Маруся. Ну отпусти!

Антоша. Нет! Я человек слабый! Не могу приказ нарушить!

Маруся. Пожалуйста!

Антоша. Нет! Нет! Нет!

Маруся. Я кричать буду! Стекла побью!

Антоша. Сочувствую! А только у нас окна во двор. А во дворе учреждения. А из учреждений все уже разошлись. Никто не услышит.

Маруся. Я дверь выломаю!

Антоша. Сочувствую! А только нет, не выломаете. Крепкая дверь. Прежний хозяин воров боялся — железом обил.

Маруся (*трясет Антошу за пиджак*). Выпусти меня сейчас же!

Антоша. Не надо меня трясти! Я старый!

Маруся. Отдай ключ!

Антоша. Вы мне часы раздавили! Не порежьтесь о стекло.

Маруся (*опускается на стул*). Несчастливая я девочка! Дылда я окаянная! Что ни сделаю, все себе во вред. Клялась я ее не слушаться — послушалась на свою голову. (*Закрывает лицо руками.*)

Антоша. Вот это... Это действительно... Как же это?.. Вы бы не плакали!

Маруся. Я не плачу...

Антоша (*сквозь слезы*). Зачем же вы тогда так сидите?

Маруся. Дедушка,пусти!

Антоша. Ох ты, боже мой! Не велено!

Маруся. А зачем? Зачем? Зачем?

Антоша. Я, может, не знаю зачем.

Маруся. А не знаешь, так выпусти!

Антоша. Не смею.

Маруся. Боишься?

Антоша. Ну что ж, прямо вам скажу — боюсь! Двадцать лет я ее боялся. Привык! Как же это вдруг — не бояться?

Маруся. Я тебя сейчас повалю и вытащу у тебя ключ!

Антоша (*чуть не плача*). Сочувствую... А только нет, не вытаските. Когда вы сказали, что сильная, я вышел и ключ запрятал. В такое место запрятал, что вам не найти...

Маруся. Ведь тебе меня жалко?

Антоша. Верно.

Маруся. Отдай ключ!

Антоша. Никак не могу. Я послушный.

Звонок.

Антоша (*выходит*). Молчать! Со мной не очень-то! Я так распоряджусь, что вы у меня... Кто там? Ах, это вы, Марк Константинович? Войдите. Пожалуйста. Молчать! Девочка, это я вам говорю. Молчать!

Входит Маркушка.

Маркушка. Что? Бунтует?

Антоша. Сладу нет, Марк Константинович! Да только со мной не очень! Я ее живо!

Маркушка. Дай мне, Антоша, тарелку, ножик, вилку. Уксусу дай. На вот, нарежь колбасу.

Антоша. Сию секундочку. А что же это вы так, всухомятку? Зашли бы в кафе-ресторан.

Маркушка (*показывает на часы*). Видишь, сколько времени? Едва успел по делам сбегать. Куда там ресторан! Перехвачу, дождусь Варюшу и поле-

тим. Придется автомобиль взять. Иначе не переправить сегодня машинку.

Маруся. Какую машинку?

Маркушка. Плохо колбасу теперь стали делать. Ни вкусу, ни духу.

Маруся. Что ты про машинку сказал? Чего ты здесь? Ты, значит, не дурачок? Не безногий.

Маркушка. То ли дело прежде была беловская колбаса! Ту ешь — и улыбаешься. На языке радостно.

Маруся. Обманщик! Притворщик! Я с тобой говорю! Отвечай же! Ты Варварке кто?

Антоша. Брат.

Маруся. Брат?

Маркушка. И французская горчица куда-то пропала. Намажешь, бывало, ветчины кусок — толсто-толсто...

Маруся. Маркушка, говори про машинку! Про машинку говори!

Маркушка. А еще хорошо, когда колбаса горячая.

Маруся. Да что же это? Он меня дразнит? Дедушка!

Антоша (*тихо и грустно*). Молчать!

Звонок.

Маркушка. А еще хорошо, когда колбаса горячая. Шпик прозрачный...

Антоша. Пожалуйста, Варвара Константиновна. Все здесь! Все!

Маруся. И она!

Варварка (*Маркушке*). Здравствуй, деточка! Кушаешь? Кушай, кушай. (*Взглядывает на часы.*) Вре-

мени у нас в обрез. Я сама с ней поговорю. Маруська! Вот карандаш, вот бумага! Садись, пиши!

Маруся. Что?

Варварка. Письмо студентам, что ты машинку украла.

Маруся. Вы в уме?

Варварка. Спорить тут некогда! Напишешь! Иначе — ты меня знаешь. Я тебя в такие дела вкручу, что не только из отряда...

Маруся. Нет!

Варварка. Не только из отряда — тебя разом в тюрьму да в суд!

Маруся. И вас тоже.

Варварка. Меня не поймаешь! Я склизкая. Пиши! Так и так, машинку я украла и увезла в мешке!

Маруся кидается к мешку, переворачивает его: там белые мраморные часы и конский волос.

Варварка. А ты думала и верно увезла! Так бы я тебе ее и доверила.

Маруся. Зачем же...

Варварка. Затем же! В доме пропала вещь. А ты с мешком в город поехала. Кто взял? Ясно — кто! Тот, кто с мешком из дому уехал.

Взглядывает на часы.

Маруся. Они не поверят!

Варварка. Поверят! Мария Ивановна против тебя тоже покажет. Она, брат, у меня тоже запутана. Пиши!

Маруся. Нет!

Варварка. Да!

Маруся. Нет!

Варварка. Напишешь! Они в твое письмо хоть день — да будут верить. А мне и это пригодится. Пиши!

Маруся. Не напишу!

Маркушка *(встает)*. Пиши!

Маруся. Не смей меня трогать!

Маркушка. Пиши!

Антоша. Не тронь ее!

Маркушка. Это еще что такое?

Антоша. Ты человек грубый! *(Кидается к Варварке.)* Виноват! Они только запугают! У девочки руки будут трястись, как же она напишет? А лучше вы... лучше словами... Она сейчас послушается. Сейчас.

Варварка. Он прав. Сядь, Маркушка. Маруська... Пиши: «Я...»

Маруся. Да что вы думаете — я сонная, что ли? У меня мозгу нет? Не буду писать!

Маркушка. Будешь!

Маруся *(хватает со стола нож)*. Только тронь! Меня не затравишь! Я тебе не заяц! Не смотри — не страшно.

Варварка. Да?

Маруся. Да!

Варварка. Маруська!

Маруся. Ну чего вы стараетесь? Вы же сами видите — не боюсь и не боюсь. Не боюсь!

Маркушка. Я ее сейчас!

Варварка *(взглядывает на часы)*. Поздно. Придется автомобиль нанимать. Сегодня не боишься — завтра побоишься! Идем! Запри, Антоша. Завтра в три я буду. *(Уходит.)*

Маруся. Что делать, что делать, что делать!

Антоша (*возвращается*). Ай-ай-ай! Я уж думал — помереть мне сегодня от страсти. Как можно на такую женщину кричать? У меня до сих пор сердце не бьется.

Маруся. Оставь, бабушка.

Антоша. Не оставлю! Ножом машете! А если она нож вырвет — да вас! Ведь я ее знаю! Я ей двадцать лет служу.

Маруся. Бежать надо, бежать!

Антоша. Когда ихний отец, купец Лоцилин, лопнул — она не растерялась. Брата и мать содержала. Она по ярмаркам стала ездить. Сто рублей объявляла тому, кто ее в рукопожатии пережмет. А если она пережмет — ей рубль. Ну и всех пережимала. Выжала тысячу. Собрала лилипутов труппу...

Маруся. Выпусти, бабушка!

Антоша. Лилипуты от нее разбежались. Щипала она их. Тогда собрала она детей ученых труппу. Набрала из бедных семей ребят лет по пять — по шесть...

Маруся. Да отпусти же ты меня!

Антоша. Не отпущу! Что я, ума решился? Не отпущу я вас. Если отпущу — убьет меня Варвара Константиновна насмерть завтра. А я на это не могу согласиться. Да если я и отпущу вас, то теперь уж все равно вы не успеете помешать. Убегут они. Ис машинкой!

Маруся. А где она, машинка-то?

Антоша. Не скажу!

Маруся. Ух ты! Трус ты старый. Ну что делать? Ну как Мячик на моем месте поступил бы? Осмотрись и борись... Что осматривать? Куда смотреть? Стенки да окна... (*Выглядывает в коридор.*) Да коридор... Ключ!

А н т о ш а. Матушки! Батюшки! Пропал! Маруся! Маруся! Стой!

М а р у с я (*из коридора*). Отстань!..

А н т о ш а. Куда бежишь-то? Где машинка, не знаешь ведь! Марусенька! Машинка-то...

М а р у с я (*вбегает с ключом в руках*). Ну, говори, где машинка! Живо!

А н т о ш а. Безжалостная девочка! Очнись, пойми, что делаешь! Ты меня в шестьдесят три года на улицу выкидываешь! Ведь я человек зависимый. Отдай ключ! Умоляю, требую!

М а р у с я. Говори, где машинка!

А н т о ш а. Ведь я человек добрый. Я, когда ты еще вот таким воробушком была, я тебя на руках носил. Отец твой у нас балаганы уставлял, рабочим у нас был и жонглером... А я билетером... А ты придешь, бывало, в балаган, туп-туп ножонками... Не губи ты меня, девочка! Отдай ты ключ!

М а р у с я. Где машинка?

А н т о ш а. Черствая девочка! Пойми ты — сколько лет я Варваре Константиновне служу... Куда я теперь? Ведь она меня завтра рассчитает... Ведь я от нее завишу... Да свяжи ты меня хотя бы, коли действительно задумала бежать... И как это меня угораздило, за ними заперевши, ключ не вынуть. Какой я жалкий старик, какая ты беспощадная девочка!.. Свяжи меня, сделай милость! Пусть она думает, что я боролся!

М а р у с я. Ладно, свяжу... Где машинка — говори!

А н т о ш а. Свяжете?

М а р у с я. Говорю, свяжу!

А н т о ш а. Крепко?

М а р у с я. Да, да, да! Где машинка?

А н т о ш а. У Маркушки дома. Под полом.

Маруся. Так близко! И они не знают!

Антоша. Утром была у меня Варвара Константиновна — все объяснила, как будет делать. Маркушка живет в бывшей лавчонке. Оттуда наверх ход был. Как раз в ту комнату, где студенты. Лестница сломалась, а люк остался. Под ковриком.

Маруся. Как же так — не знали?

Антоша. Может, и знали, да забыли, а Маркушка дознался. Когда все ушли, влез в комнату через пол, машинку к себе — и спрятал. А вас в город, для подозрения.

Маруся. Скорей! Скорей надо рассказать... Что не я... Что они... Где спрятана... Скорей надо!

Антоша. Сочувствую! А только ничего не выйдет! (Показывает на часы.) В пять сорок пять у поста номер восемь остановится товарный поезд. Кондуктор... Забыл фамилию! Кондуктор с Варварой Константиновной заодно. Посадит и ее и машинку, и — ту-ту-туу! — уехали. Они оттого так и спешили, что дежурит-то знакомый кондуктор раз в четыре дня. Сегодня опоздать — и пропало дело. Жди!

Маруся. Успею!

Антоша. Да как же ты успеешь? Деточка! Сейчас пять часов двадцать минут. Они уже к дому подъезжают, если автомобиль сразу нашли. Через десять минут машинку вынесут, через пятнадцать на станции будут, а через двадцать и уехали. А вам туда сорок минут езды. А их через двадцать минут уже и след простынет!

Маруся. А может, заметят, когда выносить будет Маркушка машинку?

Антоша. Как? Маркушка всегда с корзинкой!

Маруся. Я в угрозыск позвоню.

А н т о ш а. Пока дозвонитесь — пять минут, пока автомобиль дадут — еще пять, да пока доедут... — нет.

М а р у с я. Я побегу туда!

А н т о ш а. И опять уйдет время. Мы на улице Герцена, тридцать четыре...

М а р у с я. Герцена, тридцать четыре?

А н т о ш а. Ну да!

М а р у с я. Герцена, тридцать четыре... Прощай!

А н т о ш а. Стойте! Свяжите меня! Свяжите меня!

М а р у с я. Некогда! Некогда, бабушка! Завтра пораньше я забегу, свяжу, а сейчас — прощай! (*Убегает.*)

А н т о ш а. Завтра! И на том спасибо! Ушла... На что она надеется? Мыслимое ли дело? Вон уже двадцать две минуты шестого. Они уже небось выносят машинку-то. Что тут можно сделать? Телефона туда нет. Телеграмму — пока принесут. Нет! Ничего не сделать. Ничего! Вон уже двадцать минут шестого...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната студентов.

К р о ш к и н. Который час?

М я ч и к. Двадцать минут шестого. Через час из угрозыска собаку приведут. Ай-ай-ай!

К р о ш к и н. Что ты?

М я ч и к. Не прощу я себе этой глупости. Всех учу: осмотрись, а сам просмотрел! Как я пропустил! Как прозевал!

К р о ш к и н. Ну уж ничего не поделаешь.

М я ч и к. Куда она юркнула? Как мышь!

Вбегают Иринка и Анька.

Иринка. Мама к вам идет!

Анька. Вы ее не обижайте!

Иринка. Нам ее жалко уже...

Анька. Она больная, наверное. Оттого такая.

Иринка. Мы папе письмо послали.

Анька. Заказное! Пусть вернется.

Иринка. Вот она...

Входит Мария Ивановна.

Мария Ивановна (*быстро и одностонно*). Здравствуйте. Подозрение я имею на Марусю Крутову, пионерку.

Крошкин. Успокойтесь, Мария Ивановна! Нам не нужно!

Мария Ивановна. Она сколько раз говорила: я готова украсть, только бы убежать. Она ленивая, не хотела работать на Варвару Константиновну. Вот. (*Опускается на стул.*) А теперь будьте добренькие! Не спрашивайте у меня больше ничего!

Мячик. Я...

Мария Ивановна. Молчите! Молчите! Не могу я сказать! Не могу!

Крошкин. Да мы и не хотим...

Мария Ивановна. Как же это вы можете не хотеть? На бедную девочку напраслину возводят... Ой... молчу, молчу, молчу!..

Мячик. Мария Ивановна! Мы вас ни о чем спрашивать не хотим. Через час здесь будет агент угрозыска...

Мария Ивановна. Я в город уеду! Нет, не уеду!.. Чего вы от меня хотите? Чего вы смотрите на меня? Чего вы...

Г о л о с. Алло, алло, говорит Ленинград, говорит Ленинград.

М я ч и к. Выключи!

М а р и я И в а н о в н а. Нет!

Г о л о с. Передача производится из большой студии радиопередачи на волне в тысячу метров.

М а р и я И в а н о в н а. Не надо выключать. Пусть будет, как всегда... как до этого.

Вступление к «Лучинушке».

Г о л о с. Слушайте концерт из русских народных песен. Артистка Лыкова поет «Лучинушку».

М а р и я И в а н о в н а. Сколько раз слышала... И не думала... что я буду слушать «Лучинушку» — уголовной преступницей.

Песня. Когда певица доходит до куплета:

Милые родители,
Сватушки, родня,
Лучше бы замучили,
Извели меня...
От работы спинушка,
И сей...

Пение прерывается.

К р о ш к и н. Что там такое?

М я ч и к. Поправь там!

К р о ш к и н (у приемника). Да тут все благополучно как будто.

Г о л о с. Концерт прерывается на одну минуту. Сообщение крайней важности. Говорите, Николай Николаевич.

В т о р о й г о л о с, п о в ы ш е. То, что сейчас будет передано, почти никто не поймет. Не звоните

нам, пожалуйста, по телефону. Объяснения давать не будем. Завтра вы прочтете объяснение в газетах. Говорите.

Марусин голос. Мячик! Крошкин!

Мячик. Что это?

Иринка. Маруся!

Анька. В трубе?!

Марусин голос. Мячик! Крошкин! Снимите посреди комнаты коврик. Там есть люк в Маркушкину комнату! Спрыгните вниз! Машинка спрятана у него. Скорей! Он сию секунду за ней придет! Скорей! Все. Маруся.

Голос. Алло, алло! Говорит Ленинград, говорит Ленинград. Концерт продолжается, концерт продолжается. Артистка Лыкова споеет народную песню «Лучинушка».

Мячик. Выключи!

Крошкин. Есть!

Мячик. Закрой ставни!

Крошкин. Зачем?

Мячик. Я хочу его поймать. Чтоб свет не шел в люк. Мария Ивановна, уйдите!

Мария Ивановна. Ни за что! Я своими глазами хочу посмотреть, как его поймают.

Мячик. Подыми ковер! Действительно, люк! Как мы его раньше не заметили!

Крошкин. Незаметно! Пол вроде паркетный. Весь в трещинах...

Мячик. Ну, теперь тише!

Пауза. Мария Ивановна начинает смеяться.

Иринка. Мама, чего ты?

Мария Ивановна. Очень я рада, что все так кончается. Мне даже есть захотелось.

С улицы Маркушка: «Цветы!»

Мячик. Тс-сс!..

Маркушка (*ближе и ближе*). Трава! Деревья! Кусты! Былинки! Розы! Гиацинты! Капуста! (*Слышно, как он ходит внизу. В люк прошел свет снизу.*) Уфф! Ну, так... Покричали и будет. (*Напевает что-то.*) Здравствуйте, «Ундервудик»! Пожалуйста! Сейчас вам в поезд. Ехать. Что это? А? Что это случилось? Ты никак в корзинку не хочешь лезть? А-а! За щечку зацепился. Ах ты, американец! Тебе наши корзинки не по нраву!

Мячик и Крошкин прыгают в люк.

Маркушка. Кто это?

Крошкин. Мы.

Шум.

Иринка. Смотрите, смотрите! Дерутся, дерутся, дерутся! Ой, наступите, наступите на машинку! На машинку наступите!

Анька. Схватили! Ой, мамочка, схватили!

Иринка. Повели! Мамочка! Сюда повели!

Мария Ивановна. Откройте ставни! В темноте все-таки жутко! Вот как оно все обернулось. Ах ты, какие вещи бывают на свете!

Входят Мячик, Маркушка и Крошкин с «Ундервудом».

Мячик. Здесь вам придется посидеть. Скоро приедут агенты угрозыска. Положи машинку!

Крошкин. Да я уж прямо боюсь ее из рук выпустить.

Маркушка. Господа студенты! По нужде. По нужде и из-за голода. Отпустите... К чему я вам? Ма-

шинка нашлась. Что же вы мне мстить, что ли, хотите?

Мария Ивановна. Нет, нет, нет! Ни за что! Ишь ты, какой легкий голос у него стал! А как на меня зубами блестел, так голос был бас? Ишь ты... «выпусти»! Еще сестру бы твою поймать...

Мячик. Какую сестру?

Мария Ивановна. Варварка — сестра его родная. Вы и не знали? А я на свою голову узнала. Видите, какой тихий, белый, а вчера аж черный со злости ходил, когда я их разговор подслушала. А! Держите!

Маркушка прыгает в люк.

Мячик. Стой! *(Кидается к окну.)* А! Не удалось! Попался Маркушка. Автомобиль угрозыска. И Варварку привезли. И Марусю.

Анька. Маруся!

Иринка. Беги сюда бегом!

Мария Ивановна. Ой, как есть хочется! Все больше и больше. Что значит все благополучно!

Вбегает Маруся. На носу у нее ссадина.

Анька. Ай! Что это у тебя с носом?

Маруся. Спешила я! Миленькие! Как я боялась, что у вас не включено радио. *(К машинке.)* Вот она какая. Миленькая!

Мячик. Маруся! Спасибо. Век тебя не забуду.

Иринка. Маруся, как ты догадалась?

Анька. Маруся, я побоялась бы на радио-то!

Маруся. Ай, что было! Я же узнала все про машинку на улице Герцена, тридцать четыре, а радио-

передача напротив. А я зимой с отрядом туда в экскурсию ходила.

А н ь к а. И ты скорей туда?

М а р у с я. Кубарем! С лестницы упала, нос ушибла. Не кривой?

А н ь к а. Нет, только толстенький.

М а р у с я. Бегу, а из носа кровь. А дворник как схватит меня!

И р и н к а. Ай!

М а р у с я. «Стой, — кричит, — может, ты кого убила! Откуда кровь?» А я говорю: «Пусти, дурак! Видишь — кровь из носу! Что я, носом, что ли, убивала?» Он отпустил. Засмеялся... Бегу через дорогу. Собака за мной увязалась. Охотничья, что ли. Хвост веником. Хотела укусить меня, да я на нее крикнула.

А н ь к а. Рыжая была собака?

И р и н к а. Не мешай ей!

М а р у с я. Прибежала в радио — чудо-чудищем, на морде кровь, а говорю хорошо. Очень понятно. Все сбежались, все слушают.

И р и н к а. И сразу позволили тебе говорить?

М а р у с я. Не сразу. Немножко побоялись. Я уже реветь начала, смотрю — из комнаты какой-то секретарша идет, голубушка.

А н ь к а. Какая голубушка?

М а р у с я. Секретарша Губпионеркабинета. Ну, она меня, конечно, узнала. Я на нее зимой в стенгазете карикатуру нарисовала, очень ей понравилось. Узнала она меня и заступилась. Хорошие там люди: Николай Николаевич, Александр Васильевич... Прервали концерт, пустили меня, а я говорю в микрофон — и не верю: неужто меня в Лесном слышно?

М а р и я И в а н о в н а. Слышно было, слышно.

Маруся. Кончила говорить, все меня хвалят, повели, умыли, чаю хотели дать — и вдруг р-р-р... — автомобиль. Угрозыск. Из радио вызвали! Сели мы — и что тут началось! Как мы полетели! Домов по бокам не видать! Одно серое! Голову назад сносит, платок с меня сорвало, а на одном повороте я чуть-чуть удержалась. Левой ногой за диванчик уцепилась.

Анька. Каблуком?

Иринка. Заткнись!

Маруся. Подъезжаем к дому, вдруг за углом — а-а! Знакомое лицо! Мачеха Маркушку ждет. Бегает она плохо. Зацапали ее.

Анька. А она?

Маруся. А она ущипнула начальника угрозыска и замолчала. Видит — ее дело плохо. Подъехали сюда — Маркушка выбегает. И его взяли. Сейчас у них обыскивают внизу. Ну вот и все.

Мария Ивановна. Ты, Маруся, прости меня.

Маруся. Да разве ж вы виноваты? Да за что же?

Мария Ивановна. За страх.

Анька (*Крошкину*). Ты что в зеркало смотришься?

Крошкин. Изучаю радостное лицо. Пригодится. Эх, Маруся! (*Пляшет.*) Качать ее!

Маруся. Нет, братцы, нет — меня уже автомобиль укачал! А в отряде-то, в отряде! Из них никто по радио не говорил. Мальчишкам нос какой!..

Занавес

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Генрих.
Христиан.
Король.
Принцесса.
Король-отец.
Министры.
Придворные дамы.
Жандармы.
Фрейлины.
Солдаты.
Публика.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лужайка, поросшая цветами. На заднем плане — королевский замок. Свиньи бродят по лужайке. Свинопас Генрих рассказывает. Друг его, ткач Христиан, лежит задумчиво на траве.

Генрих. Несу я через королевский двор поросенка. Ему клеймо ставили королевское. Пятачок, а наверху корона. Поросенок орет — слушать страшно. И вдруг сверху голос: перестаньте мучить животное, такой-сякой! Только что я хотел выругаться — мне, понимаешь, и самому неприятно, что поросенок орет, — глянул наверх, ах! а там принцесса.

Такая хорошенькая, такая миленькая, что у меня сердце перевернулось. И решил я на ней жениться.

Х р и с т и а н. Ты мне это за последний месяц рассказываешь в сто первый раз.

Г е н р и х. Такая, понимаешь, беленькая! Я и говорю: принцесса, приходи на лужок поглядеть, как пасутся свиньи. А она: я боюсь свиней. А я ей говорю: свиньи смиренные. А она: нет, они хрюкают. А я ей: это человеку не вредит. Да ты спишь?

Х р и с т и а н *(сонно)*. Спу.

Г е н р и х *(поворачивается к свиньям)*. И вот, дорогие вы мои свинки, стал я ходить каждый вечер этой самой дорогой. Принцесса красуется в окне, как цветочек, а я стою внизу во дворе, как столб, прижав руки к сердцу. И все ей повторяю: приходи на лужок. А она: а чего я там не видела? А я ей: цветы там очень красивые. А она: они и у нас есть. А я ей: там разноцветные камушки. А она мне: подумаешь, как интересно. Так и уговариваю, пока нас не разгонят. И ничем ее не убедишь! Наконец я придумал. Есть, говорю, у меня котелок с колокольчиками, который прекрасным голосом поет, играет на скрипке, на валторне, на флейте и, кроме того, рассказывает, что у кого готовится на обед. Принеси, говорит она, сюда этот котелок. Нет, говорю, его у меня отберет король. Ну ладно, говорит, приду к тебе на лужайку в будущую среду, ровно в двенадцать. Побежал я к Христиану. У него руки золотые, и сделали мы котелок с колокольчиками... Эх, свинки, свинки, и вы заснули! Конечно, вам надоело... Я только об этом целыми днями и говорю... Ничего не поделаешь — влюблен. Ах, идет! *(Толкает свиней.)* Вставай, Герцогиня, вставай, Графиня, вставай, Баронесса. Христиан! Христиан! Проснись!

Х р и с т и а н. А? Что?

Г е н р и х. Идет! Вон она! Беленькая, на дорожке. *(Генрих тычет пальцем вправо.)*

Х р и с т и а н. Чего ты? Чего там? Ах, верно — идет. И не одна, со свитой... Да перестань ты дрожать... Как ты женишься на ней, если ты ее так боишься?

Г е н р и х. Я дрожу не от страха, а от любви.

Х р и с т и а н. Генрих, опомнись! Разве от любви полагается дрожать и чуть ли не падать на землю! Ты не девушка!

Г е н р и х. Принцесса идет.

Х р и с т и а н. Раз идет, значит, ты ей нравишься. Вспомни, сколько девушек ты любил — и всегда благополучно. А ведь она хоть и принцесса, а тоже девушка.

Г е н р и х. Главное, беленькая очень. Дай глотну из фляжки. И хорошенькая. И миленькая. Идешь по двору, а она красуется в окне, как цветочек... И я как столб во дворе, прижавши руки к сердцу...

Х р и с т и а н. Замолчи! Главное, будь тверд. Раз уж решил жениться — не отступай. Ох, не надеюсь я на тебя. Был ты юноша хитрый, храбрый, а теперь...

Г е н р и х. Не ругай меня, она подходит...

Х р и с т и а н. И со свитой!

Г е н р и х. Я никого не вижу, кроме нее! Ах ты моя миленькая!

Входят принцесса и придворные дамы. Принцесса подходит к свинопасу. Дамы стоят в стороне.

П р и н ц е с с а. Здравствуй, свинопас.

Г е н р и х. Здравствуй, принцесса.

П р и н ц е с с а. А мне сверху, из окна, казалось, что ты меньше ростом.

Г е н р и х. А я больше ростом.

П р и н ц е с с а. И голос у тебя нежней. Ты со двора всегда очень громко мне кричал.

Г е н р и х. А здесь я не кричу.

П р и н ц е с с а. Весь дворец знает, что я пошла сюда слушать твой котелок, — так ты кричал! Здравствуй, свинопас! *(Протягивает ему руку.)*

Г е н р и х. Здравствуй, принцесса. *(Берет принцессу за руку.)*

Х р и с т и а н *(шепчет)*. Смелей, смелей, Генрих!

Г е н р и х. Принцесса! Ты такая славненькая, что прямо страшно делается.

П р и н ц е с с а. Почему?

Г е н р и х. Беленькая такая, добренькая такая, нежная такая.

Принцесса вскрикивает.

Что с тобой?

П р и н ц е с с а. Вон та свинья злобно смотрит на нас.

Г е н р и х. Которая? А! Та! Пошла отсюда прочь, Баронесса, или я завтра же тебя зарежу.

Т р е т ь я п р и д в о р н а я д а м а. Ах! *(Падает в обморок.)*

Все придворные дамы ее окружают.

В о з м у щ е н н ы е в о з г л а с ы. Грубиян!

— Нельзя резать баронессу!

— Невежа!

— Это некрасиво — резать баронессу!

— Нахальство!

— Это неприлично — резать баронессу!

Первая придворная дама (*торжественно подходит к принцессе*). Ваше высочество! Запретите этому... этому поросенку оскорблять придворных дам.

Принцесса. Во-первых, он не поросенок, а свинопас, а во-вторых — зачем ты обижаешь мою свиту?

Генрих. Называй меня, пожалуйста, Генрих.

Принцесса. Генрих? Как интересно. А меня зовут Генриетта.

Генрих. Генриетта? Неужели? А меня — Генрих.

Принцесса. Видишь, как хорошо. Генрих!

Генрих. Вот ведь! Бывает же... Генриетта.

Первая придворная дама. Осмелюсь напомнить вашему высочеству, что этот... этот ваш собеседник собирается завтра зарезать баронессу.

Принцесса. Ах да... Скажи, пожалуйста, Генрих, зачем ты собираешься завтра зарезать баронессу?

Генрих. А она уже достаточно разъелась. Она ужасно толстая.

Третья придворная дама. Ах! (*Снова падает в обморок.*)

Генрих. Почему эта дама все время кувыркается?

Первая придворная дама. Эта дама и есть та баронесса, которую вы назвали свиньей и хотите зарезать.

Генрих. Ничего подобного, вот свинья, которую я назвал Баронессой и хочу зарезать.

Первая придворная дама. Вы эту свинью назвали Баронессой?

Г е н р и х. А эту Графиней.

В т о р а я п р и д в о р н а я д а м а. Ничего подобного! Графиня — это я!

Г е н р и х. А эта свинья — Герцогиня.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Какая дерзость! Герцогиня — это я! Называть свиней высокими титулами! Ваше высочество, обратите внимание на неприличный поступок этого свинопаса.

П р и н ц е с с а. Во-первых, он не свинопас, а Генрих. А во-вторых, свиньи — его подданные, и он вправе их жаловать любыми титулами.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. И вообще он ведет себя неприлично. Он держит вас за руку!

П р и н ц е с с а. Что же тут неприличного! Если бы он держал меня за ногу...

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Умоляю вас, молчите. Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи.

П р и н ц е с с а. А вы не приставайте. А скажи, Генрих, почему у тебя такие твердые руки?

Г е н р и х. Тебе не нравится?

П р и н ц е с с а. Какие глупости! Как это мне может не нравиться! У тебя руки очень милые.

Г е н р и х. Принцесса, я тебе сейчас что-то скажу...

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а (*решительно*). Ваше высочество! Мы пришли сюда слушать котелок. Если мы не будем слушать котелок, а будем с крайне неприличным вниманием слушать чужого мужчину, я сейчас же...

П р и н ц е с с а. Ну и не слушайте чужого мужчину и отойдите.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Но он и вам чужой!

Принцесса. Какие глупости! Я с чужими никогда не разговариваю.

Первая придворная дама. Я даю вам слово, принцесса, что сейчас же позову короля.

Принцесса. Отстаньте!

Первая придворная дама (*кричит, повернувшись к замку*). Коро-оль! Идите сюда скорей. Принцесса ужасно себя ведет!

Принцесса. Ах, как они мне надоели. Ну покажи им котелок, Генрих, если им так хочется.

Генрих. Христиан! Иди сюда. Давай котелок.

Христиан (*достает из мешка котелок. Тихо*). Молодец, Генрих. Так ее. Не выпускай ее. Она в тебя по уши влюблена.

Генрих. Ты думаешь?

Христиан. Да тут и думать нечего. Теперь, главное, поцелуй ее. Найди случай! Целуй ее, чтобы ей было что вспомнить, когда домой придет. Вот, ваше высочество, и вы, благородные дамы, замечательный котелок с колокольчиками. Кто его сделал? Мы. Для чего? Для того, чтобы позабавить высокорожденную принцессу и благородных дам. На вид котелок прост — медный, гладкий, затянут сверху ослиной кожей, украшен по краям бубенцами. Но это обманчивая простота. За этими медными боками скрыта самая музыкальная душа в мире. Сыграть сто сорок танцев и спеть одну песенку может этот медный музыкант, позванивая своими серебряными колокольчиками. Вы спросите: почему так много танцев? Потому что он весел, как мы. Вы спросите: почему всего одну песенку? Потому что он верен, как мы. Но это еще не все: эта чудодейственная, веселая и верная машина под ослиной кожей скрывает нос!

Придворные дамы (*хором*). Что?

Христиан. Нос. И какой нос, о прекрасная принцесса и благородные дамы! Под грубой ослиной кожей таится, как нежный цветок, самый тонкий, самый чуткий нос в мире. Достаточно направить его с любого расстояния на любую кухню любого дома — и наш великий нос сразу почувствует, что за обед там готовится. И сразу же совершенно ясно, правда, несколько в нос, опишет нам нос этот самый обед. О благородные слушатели! С чего мы начнем? С песенки, с танцев или с обедов?

Первая придворная дама. Принцесса, с чего вы прикажете начать? Ах! Я заслушалась и не заметила! Принцесса! Принцесса! Принцесса! Я вам говорю.

Принцесса (*томно*). Мне? Ах да, да. Говорите что хотите.

Первая придворная дама. Что вы делаете, принцесса? Вы позволяете обнимать себя за талию. Это неприлично!

Принцесса. Что же тут неприличного? Если бы он обнимал меня за...

Первая придворная дама. Умоляю вас, молчите. Вы так наивны, что можете сказать совершенно страшные вещи!

Принцесса. А вы не приставайте. Идите слушайте котелок!

Первая придворная дама. Но мы не знаем, с чего начать: с песенки, с танцев или с обедов?

Принцесса. Как ты думаешь, Генрих?

Генрих. Ах ты моя миленькая...

Принцесса. Он говорит, что ему все равно.

Первая придворная дама. Но я спрашиваю вас, принцесса.

П р и н ц е с с а. Я же вам ответила, что нам все равно. Ну, начинайте с обедов.

П р и д в о р н ы е д а м ы (*хлопая в ладоши*). С обедов, с обедов, с обедов!

Х р и с т и а н. Слушаю-с, благородные дамы. Мы ставим котелок на левый бок и тем самым приводим в действие нос. Слышите, как он сопит?

Слышно громкое сопение.

Это он принюхивается.

Слышно оглушительное чихание.

Он чихнул, — следовательно, он сейчас заговорит. Внимание.

Н о с (*гнусаво*). Я в кухне герцогини.

П р и д в о р н ы е д а м ы (*хлопая в ладоши*). Ах, как интересно!

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Но...

П р и д в о р н ы е д а м ы. Не мешайте!

Н о с. У герцогини на плите ничего не варится, а только разогревается.

П р и д в о р н ы е д а м ы. Почему?

Н о с. Она вчера за королевским ужином напихала себе в рукава девять бутербродов с икрой, двенадцать с колбасой, пять отбивных котлет, одного кролика, шашлык по-царски, курицу под белым соусом, пирожков разных восемнадцать штук, соус тартар с каперсами и оливками, беф-филе годар, соус из фюмэ, натуральный пломбир с цукатами, парфе кофейное и корочку хлебца.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Ты врешь, нахальный нос!

Н о с. Не для чего мне врать. Я точный прибор.

Придворные дамы. Bravo, bravo, как интересно, еще, еще!

Нос. Я в кухне у графини.

Вторая придворная дама. Но...

Придворные дамы. Не мешайте.

Нос. Плита у графини такая холодная, чхи, что я боюсь схватить насморк! Чхи!

Придворные дамы. Но почему?

Нос. Плита у графини целый месяц не топилась.

Придворные дамы. Но почему?

Нос. Она целый месяц обедает в гостях. Она экономная.

Вторая придворная дама. Врешь, бесстыдный нос!

Нос. Чего мне врать? Машина не врет. Я у баронессы. Здесь тепло. Печь горит вовсю. У баронессы прекрасный повар. Он готовит обед для гостей. Он делает из конины куриные котлеты. Сейчас я иду к маркизе, потом к генеральше, потом к президентше...

Придворные дамы (*кричат хором*). Довольно, довольно, ты устал!

Нос. Я не устал.

Придворные дамы. Нет, устал, устал, довольно, довольно!

Христиан (*поворачивает котелок*). Я надеюсь, что вы в восторге, благородные дамы?

Придворные дамы молчат.

Если нет — пушу опять нос в путешествие.

Придворные дамы. Мы довольны, довольны, спасибо, bravo, не надо!

Х р и с т и а н. Я вижу, вы действительно довольны и веселы. А раз вы довольны и веселы, то вам только и остается что танцевать. Сейчас вы услышите один из ста сорока танцев, запрятанных в этом котелке.

Первая придворная дама. Я надеюсь — это танец без... без... слов?

Х р и с т и а н. О да, герцогиня, это совершенно безобидный танец. Итак, я кладу котелок на правый бок и — вы слышите?

Позванивая бубенчиками, котелок начинает играть. Генрих танцует с принцессой. Христиан с герцогиней, графиня с баронессой. Прочие придворные дамы водят вокруг хоровод. Танец кончается.

Придворные дамы. Еще, еще, какой хороший танец!

Х р и с т и а н. Ну, Генрих, действуй! Вот тебе предлог.

П р и н ц е с с а. Да, пожалуйста, Генрих, заведи еще раз котелок! Я сама не знала, что так люблю танцевать.

Х р и с т и а н. Ваше высочество, у этого котелка есть одно ужасное свойство.

П р и н ц е с с а. Какое?

Х р и с т и а н. Несмотря на свою музыкальную душу, он ничего не делает даром. Первый раз он играл в благодарность за то, что вы пришли из королевского дворца на нашу скромную лужайку. Если вы хотите, чтобы он играл еще...

П р и н ц е с с а. Я должна еще раз прийти. Но как это сделать? Ведь для этого надо уйти, а мне так не хочется!

Г е н р и х. Нет, нет, не уходи, куда там, еще рано, ты только что пришла!

П р и н ц е с с а. Но он иначе не заиграет, а мне так хочется еще потанцевать с тобой. Что нужно сделать? Скажи! Я согласна.

Г е н р и х. Нужно... чтобы ты... (*скороговоркой*) десять раз меня поцеловала.

П р и д в о р н ы е д а м ы. Ах!

П р и н ц е с с а. Десять?

Г е н р и х. Потому что я очень влюблен в тебя. Зачем ты так странно смотришь? Ну не десять, ну пять.

П р и н ц е с с а. Пять? Нет!

Г е н р и х. Если бы ты знала, как я обрадуюсь, ты бы не спорила... Ну поцелуй меня хоть три раза...

П р и н ц е с с а. Три? Нет! Я не согласна.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Вы поступаете совершенно справедливо, ваше высочество.

П р и н ц е с с а. Десять, пять, три. Кому ты это предлагаешь? Ты забываешь, что я — королевская дочь! Восемьдесят, вот что!

П р и д в о р н ы е д а м ы. Ах!

Г е н р и х. Что восемьдесят?

П р и н ц е с с а. Поцелуй меня восемьдесят раз! Я принцесса!

П р и д в о р н ы е д а м ы. Ах!

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Ваше высочество, что вы делаете! Он вас собирается целовать в губы! Это неприлично!

П р и н ц е с с а. Что же тут неприличного? Ведь в губы, а не...

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Умоляю вас, молчите! Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи.

Принцесса. А вы не приставайте!

Генрих. Скорей! Скорей!

Принцесса. Пожалуйста, Генрих, я готова.

Первая придворная дама. Умоляю вас, принцесса, не делать этого. Уж если вам так хочется потанцевать, пусть он меня поцелует хоть сто раз...

Принцесса. Вас? Вот это будет действительно неприлично! Вас он не просил. Вы сами предлагаете мужчине, чтобы он вас целовал.

Первая придворная дама. Но ведь вы тоже...

Принцесса. Ничего подобного, меня он принудил! Я вас понимаю — сто раз. Конечно, он такой милый, кудрявый, у него такой приятный ротик... Она отчасти права, Генрих, ты меня поцелуешь сто раз. И пожалуйста, не спорьте, герцогиня, иначе я прикажу вас заточить в подземелье.

Первая придворная дама. Но король может увидеть вас из окон дворца!

Принцесса. Станьте вокруг! Слышите! Станьте вокруг! Заслоняйте нас своими платьями. Скорей! Как это можно — мешать людям, которые собрались целоваться! Иди сюда, Генрих!

Первая придворная дама. Но кто будет считать, ваше высочество?

Принцесса. Это не важно! Если мы собьемся — то начнем сначала.

Первая придворная дама. Считайте, медам.

Генрих и принцесса целуются.

Придворные дамы. Раз.

Поцелуй продолжается.

Первая придворная дама. Но, ваше высочество, для первого раза, пожалуй, уже достаточно!

Поцелуй продолжается.

Но ведь так мы не успеем кончить и до завтрашнего дня.

Поцелуй продолжается.

Христьян. Не тревожьте его, мадам, он все равно ничего не слышит, я его знаю.

Первая придворная дама. Но ведь это ужасно!

Из кустов выскакивает Король. Он в короне и в горностаевой мантии.

Король!

Король. У кого есть спички, дайте мне спички!

Общее смятение. Генрих и принцесса стоят потупившись.

Придворные дамы. Ваше величество!

Король. Молчать! У кого есть спички?

Христьян. Ваше величество...

Король. Молчать! У вас есть спички?

Христьян. Да, ваше ве...

Король. Молчать! Давайте их сюда.

Христьян. Но зачем, ваше величество?

Король. Молчать!

Христьян. Не скажете — не дам спичек, ваше...

Король. Молчать! Спички мне нужны, чтобы зажечь костер, на котором я сожгу придворных дам. Я уже собрал в кустах хворосту.

Х р и с т и а н. Пожалуйста, ваше величество, вот спички.

Придворные дамы падают в обморок.

К о р о л ь. Какой ужас! Моя дочь целуется со свинопасом! Зачем ты это сделала?

П р и н ц е с с а. Так мне захотелось.

К о р о л ь. Захотелось целоваться?

П р и н ц е с с а. Да.

К о р о л ь. Пожалуйста! Завтра же я отдам тебя замуж за соседнего короля.

П р и н ц е с с а. Ни за что!

К о р о л ь. А кто тебя спрашивает!

П р и н ц е с с а. Я ему выщиплю всю бороду!

К о р о л ь. Он бритый.

П р и н ц е с с а. Я ему выдеру все волосы!

К о р о л ь. Он лысый.

П р и н ц е с с а. Тогда я ему выбью зубы!

К о р о л ь. У него нет зубов. У него искусственные зубы.

П р и н ц е с с а. И вот за эту беззубую развалину ты отдаешь меня замуж!

К о р о л ь. Не с зубами жить, а с человеком. Эх вы, дамы! *(Оглушительно.)* Встать!

Дамы встают.

Хорошо! Очень хорошо! Только потому, что я задержался, не мог сразу найти английских булавок, чтобы подколоть мантию, вы тут устроили оргию! Нет, вас мало только сжечь на костре! Я вас сначала сожгу и потом отрублю вам головы, а потом повешу вас всех на большой дороге.

Дамы плачут.

Не реветь! Нет, этого мало! Я придумал: я вас не сожгу и не повешу. Я вас оставлю в живых и буду вас всю жизнь ругать, ругать, пилить, пилить. Ага! Съели!

Дамы плачут.

А кроме того, я лишу вас жалованья!

Дамы падают в обморок.

Встать! А тебя, свинопас, и твоего друга я вышлю из пределов страны. Ты не слишком виноват. Принцесса действительно такая чудненькая, что не влюбиться трудно. Где котелок? Котелок я заберу себе. *(Хватает котелок.)*

Котелок *(начинает петь)*.

Я хожу-брожу по свету,
Полон я огня.
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.
Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.
Завоеюем счастье с бою
И пойдем домой.
Ты да я да мы с тобою,
Друг мой дорогой.
Весел я брожу по свету,
Полон я огня,
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

Король. Это котелок поет?
Генрих. Да, ваше величество.

Король. Поет он хорошо, но слова возмутительные. Он утверждает, что ты все равно женишься на принцессе?

Генрих. Да, я все равно женюсь на принцессе, ваше величество.

Принцесса. Правильно, правильно!

Король (*приворным дамам*). Уведите ее.

Принцесса. До свиданья, Генрих. Я тебя люблю.

Генрих. Не беспокойся, принцесса, я на тебе женюсь.

Принцесса. Да, пожалуйста, Генрих, будь так добр. До свиданья, до свиданья!

Ее уводят.

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Генрих!

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Эй ты, слушай!

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Я тебе говорю. (*Поворачивает его лицом к себе.*) Твой котелок поет только одну песню?

Генрих. Да, только одну.

Король. А такой песни у него нету? (*Поет дребезжащим голосом.*) Ничего у тебя не выйдет, пошел вон.

Генрих. Такой песни у него нет и не может быть.

Король. Ты меня не серди — ты видел, как я бываю грозен?

Генрих. Видел.

Король. Дрожал?

Генрих. Нет.

Король. Ну то-то!

Генрих. Прощай, король.

Король. Ты куда?

Генрих. Пойду к соседнему королю. Он дурак, и я его так обойду, что лучше и не надо. Смелей меня нет человека. Я поцеловал твою дочь и теперь ничего не боюсь! Прощай!

Король. Погоди. Надо же мне пересчитать свиней. Раз, два, три, пятнадцать, двадцать... Так. Все. Ступай!

Генрих. Прощай, король. Идем, Христиан.

Уходят с пением:

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

Король. Чувствую я — заварится каша. Ну да я тоже не дурак. Я выпишу дочке иностранную гувернантку, злобную, как собака. С ней она и поедет. И камергера с ней пошлю. А придворных дам не пошлю. Оставляю себе. Ишь ты, шагают, поют! Шагайте, шагайте, ничего у вас не выйдет!

Занавес

Перед занавесом появляется министр нежных чувств.

Министр нежных чувств. Я министр нежных чувств его величества короля. У меня теперь ужасно много работы — мой король женится на соседней принцессе. Я выехал сюда, чтобы, во-первых, устроить встречу принцессы с необходимой торжественностью. А во-вторых и в-третьих,

чтобы решить все деликатные задачи. Дело в том, что моему всемилостивейшему повелителю пришла в голову ужасная мысль. Жандармы!

Входят два бородатых жандарма.

Жандармы (*хором*). Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Следите, чтобы меня не подслушали. Я сейчас буду говорить о секретных делах государственной важности.

Жандармы (*хором*). Слушаю-с, ваше превосходительство!

Расходятся в разные стороны. Становятся у порталов.

Министр (*понижив голос*). Итак, моему повелителю в прошлый вторник за завтраком пришла в голову ужасная мысль. Он как раз ел колбасу — и вдруг замер с куском пищи в зубах. Мы кинулись к нему, восклицая: «Ваше величество! Чего это вы!» Но он только стонал глухо, не разнимая зубов: «Какая ужасная мысль! Ужас! Ужас!» Придворный врач привел короля в чувство, и мы узнали, что именно их величество имело честь взволновать. Мысль действительно ужасная. Жандармы!

Жандармы (*хором*). Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Заткните уши.

Жандармы (*хором*). Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Затыкают уши.*)

Министр. Король подумал: а вдруг мамаша их высочества, мамаша нареченной невесты короля, была в свое время (*шепотом*) шалунья! Вдруг прин-

цесса не дочь короля, а девица неизвестного происхождения? Вот первая задача, которую я должен разрешить. Вторая такова. Его величество купался, был весел, изволил хихикать и говорил игривые слова. И вдруг король, восклицая: «Вторая ужасная мысль!» — на мелком месте пошел ко дну. Оказывается, король подумал: а вдруг принцесса до сговора (*шепотом*) тоже была шалунья, имела свои похождения и... ну, словом, вы понимаете! Мы спасли короля, и он тут же в море отдал необходимые распоряжения. Я приехал сюда узнать всю правду о происхождении и поведении принцессы, и — клянусь своей рыцарской честью — я узнаю о ее высочестве всю подноготную. Жандармы! Жандармы! Да что вы, оглохли? Жандармы! Ах да! Ведь я приказал им заткнуть уши. Какова дисциплина! Король разослал по всем деревням на пути принцессы лучших жандармов королевства. Они учат население восторженным встречам. Отборные молодцы. (*Подходит к жандармам, опускает им фуки.*) Жандармы!

Ж а н д а р м ы. Что угодно вашему превосходительству?

М и н и с т р. Подите взгляните, не едет ли принцесса.

Ж а н д а р м ы. Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Уходят.*)

М и н и с т р. Трудные у меня задачи, не правда ли? Но я знаю совершенно точно, как их решить. Мне помогут одна маленькая горошина и двенадцать бутылок отборного вина. Я очень ловкий человек.

Входят ж а н д а р м ы.